МЕМОРИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

УДК 82-94

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-188-228

Н. А. КОНДРАШОВ: ПЕДАГОГ, УЧИТЕЛЬ, ЛИЧНОСТЬ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СЛАВИСТА)

Аннотация. Воспоминания и филологические зарисовки студентов, учеников, аспирантов и коллег¹ знаменитого слависта профессора Н. А. Кондрашова рассказывают о ярких фактах человеческой и научной биографии лингвиста, связанной в 1960–1990-х гг. с нашим университетом. Авторы этих мемуаров – педагоги, вузовские работники, бывшие и нынешние сотрудники МГОУ и других учреждений из разных городов России и зарубежья – неофициальным языком, с почти художественным лиризмом и в то же время документальной достоверностью раскрывают черты характера, поступки и редкие факты из биографии Н. А. Кондрашова, показывают его необычную языковую личность как удивительного лектора, наставника, друга. В подборке публикуются также фрагменты писем учёного, рассказы о встречах и беседах с ним. Живой филологический портрет слависта дополнен почти кинематографическими сюжетами, репризами, характерным юмором и языковым обаянием Н. А. Кондрашова – свидетеля противоречивого лингвистического «века надежд и скитаний» в науке и неподражаемого педагога-мыслителя, горевшего высоким служением подлинным традициям славяноведения и доносившим его дух до нескольких поколений студентов и аспирантов.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, история филологии, славистика, языковая личность, лингвистические мемуары, психологический портрет, научное творчество

N. A. KONDRASHOV: EDUCATOR, TEACHER, PERSONALITY (THE PORTRAIT OF A SLAVIST)

Abstract. Memories and philological sketches of students, learners, graduates, and colleagues of the famous slavist professor N. Kondrashov talk about interesting facts from the personal and scientific biography of a linguist, associated with our university in 1960–1990s. The authors of these memoirs – teachers, university workers, former and current employees of the Moscow Regional State University and other institutions from different cities of Russia and abroad – informally, with almost artistic lyricism and at the same time documentary reliability, reveal the traits, actions and rare facts from the biography of N. Kondrashov, show his unusual linguistic personality as a fantastic lecturer, mentor, friend. Fragments of the scientist's letters, stories about meetings, and conversations with him are also published in the collection. Live philological portrait of the slavist augmented almost cinematic scenes, reprises, characteristic humor and language charm of N. Kondrashov – witness the contradictory linguistic “century of hopes and wanderings” in science and inimitable educator, thinker, burning high in the service of authentic traditions of studies in Slavistics and inform its spirit to several generations of undergraduate and graduate students.

Keywords: N. Kondrashov, history of philology, Slavistics, language personality, linguistic memories, psychological portrait, scientific creativity

¹ Публикуемые тексты издаются в авторской редакции с минимальной технической и стилистической правкой. При подготовке воспоминаний к печати мы снабдили их ссылками на упоминаемую в них литературу и сделали в ряде случаев краткие комментарии. Прим. ред.

Алпатова Т. А.*Московский государственный
областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

ДАР МЫСЛИ

*...Что там моя полудетская память?...
Где там запомнить... Как там понять...*

Лев Лосев

С Николаем Андреевичем Кондрашовым в мои студенческие годы мне удалось встретиться дважды: во время спецкурса по русскому языку (мы тогда учились на 4 курсе) и в следующем году, когда он читал нам, почти выпускникам, общее языкознание [11; 12]. До сих пор удивляюсь собственной неосознанной тогда догадливости: поскольку спецкурс Кондрашова об истории лингвистических учений читался параллельно «большому» спецкурсу по современному русскому языку. Нам, студентам, почему-то казалось, что записаться туда – проявление какого-то запредельного интеллектуального вызова, чуть ли не свободомыслия – ведь так мы будто бы могли навлечь на себя гнев преподавателя «основного» лингвистического курса, как говорится, со всеми вытекающими последствиями... Результат этой глупости не заставил себя ждать: на спецкурс к Кондрашову никто не хотел идти, и мне пришлось тогда, едва ли не впервые в жизни, проявить несанкционированную организаторскую активность – записать к Николаю Андреевичу «в приказном порядке» (это я – «приказывала»!) тех своих однокурсников, что прогуливали лекции и таким образом в моральном плане не имели оснований высказывать какие-то претензии. До сих пор удивляюсь, что они согласились, – может, тоже что-то почувствовали... В результате этой авантюры мне совершенно неожиданно упало в руки огромное богатство: целый семестр еженедельных встреч с Николаем Андреевичем на его лекциях, которые в тот раз в большинстве случаев проходили в формате «один преподаватель – один студент».

Теперь, вспоминая это, понимаешь, что дело тут было не только в истории лингвистических учений – и может быть, даже совсем не в этой самой истории (хотя и в ней тоже – когда, через четыре года после описываемых событий, я начала читать историю литературоведения, то несколько лет почти буквально шла за лекциями Николая Андреевича, а саму «манеру» его нередко пытаюсь воспроизводить и сейчас – во всяком случае, надеюсь, что это так...). И всё же, главным тогда было совершенное удивительное ощущение, которое он вызывал в слушателе. Для меня это было чувство чего-то большого, несвойственного тому месту, куда оно волею судьбы оказалось помещено. Что бы ни происходило, о чём бы ни шла речь: было ли это «обычное» изложение лекционного материала или ироничное отступление, рассказ о живых людях и их больших и малых драмах, которые, как правило, нивелирует история науки, когда, по Соломонову завету, «всё проходит», – всегда оставалось это ощущение масштаба (ср.: [21; 22; 26]). Большого, чем требовала ситуация. Большого, чем мог вместить слушатель. Большого – едва ли не в онтологическом смысле.

В романе Андрея Битова «Пушкинский дом» про одного из героев сказано что-то вроде: у него «...и недостатки были чертою, и их можно было любить...». Может, потому его и любили так сильно – когда любили...

«Литературоведческим» моим мозгам именно курсы Николая Андреевича оказались ближе и понятнее всех лингвистических курсов – наверное, парадоксальным отсутствием чисто языковедческой систематики, постоянной готовностью ускользнуть – или в историю (где всегда на первом месте оказывалась личность), или в философию, где уже – «чистая» идея, почти без примеси чрезмерной конкретики языкового материала (всплывает в памяти, как Николай Андреевич на примерах объяснял нам, что такое «первичные коммуникаты»: «Собачка бежит.», «Мама идёт.», «Папа ползёт.»...

Парадокс его лекций, как я их помню сейчас, именно в ощущении подтекста, в котором раскрывался масштаб предмета, почти не зависящий от буквального содержания того, о чём шла речь. Может быть, именно поэтому для меня так сложно было вести конспект этих лекций – не покидало ощущение, что самое главное существует не в произносимых словах – не в определениях, именах, датах, лингвистических фактах, излагаемых концепциях. Когда он говорил, возникало желание услышать мысль – более чистую, яркую, нежели могла вместить вузовская аудитория, – едва ли не всеобъемлющую. Это ощущение мысли жило в нём – и на него невозможно было не откликнуться. Трудно сказать, имела ли она ясные очертания для него самого – мне как студентке Николая Андреевича, не связавшей свою жизнь с его делом, нельзя об этом судить. Но, если вдуматься, и учёный, и особенно преподаватель, прежде всего, создаётся этим «магнитным полем мысли», по какой-то неведомой причине вокруг него конденсирующимся. В моих глазах он, безусловно, обладал этим даром. Именно слушая его, я впервые смогла это почувствовать. Я бесконечно благодарна ему за это.

Беглова Е. И.

*Нижегородская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации
603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе,
д. 3, бокс-268, Российская Федерация*

«НАУЧИСЬ ОТВЕЧАТЬ!», ИЛИ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА КОНДРАШОВА

Во время моего обучения в аспирантуре в Московском областном педагогическом институте имени Н. К. Крупской в 1986–1989 гг. профессор Николай Андреевич Кондрашов был известным учёным и уникальной личностью (см.: [26]), о чём я слышала от своих коллег по кафедре русского языка Стерлитамакского педагогического института (Республика Башкирия),

бывших его аспирантов А. Г. Сударикова, В. А. Урманцевой, Л. Г. Инчиной, и мне очень хотелось, чтобы и моим руководителем был профессор Н. А. Кондрашов, так как считала, что на нашей кафедре царил дух Николая Андреевича.

Поступать в аспирантуру пришлось трудно, так как был большой конкурс, но моя мечта сбылась: в 1986 г. я стала аспиранткой Н. А. Кондрашова. При первой встрече он попросил подумать, над чем бы я хотела поработать, но мои интересы, связанные с творчеством Ф. Абрамова, в конечном итоге не были учтены, и он дал тему «Философская терминология в произведениях В. Г. Белинского и А. И. Герцена», которая была для меня абсолютно далёкой, новой.

Спустя три месяца я написала и напечатала на машинке 46 страниц, оформив текст как «Введение», пришла к Николаю Андреевичу показать, «как много я сделала», думая, что он возьмёт у меня текст на чтение. Но он молча взял пачку листов и бросил их на пол, сказав, что это ничего не значит, что это «чушь», и отправил меня работать по-настоящему. Я тогда очень растерялась, собрала свои листочки и со слезами пошла в библиотеку, не понимая, как это работать «нормально, по-настоящему».

Позже, когда диссертация была написана, он сказал:

– А вот теперь пиши «Введение», смотри на выводы, к которым ты пришла в каждой главе, а на их основе формулируй цель и задачи диссертации. «Введение» лучше писать в конце, когда идея осмыслена, исследована и видны особенности изучаемого предмета.

Это был один из уроков подготовки научной работы.

Следует заметить, что на первый взгляд Николай Андреевич казался грубоватым, излишне строгим, немного равнодушным. Но на самом деле он держал в поле зрения каждого воспитанника, узнавал о нём от других своих аспирантов и владел полной информацией о том, чем мы занимаемся, как работаем над диссертацией и как себя

чувствуем. И если у нас были какие-либо неприятности, тут же предлагал свою помощь. Хотя с самим аспирантом он был немногословен, при встречах на заседаниях кафедры резко бросал фразу «Как дела?», тем самым показывая, что он контролирует нашу работу, и одновременно этой же фразой он приглашал к разговору того, кому было нужно поговорить с ним, а кому не нужно, тот просто отвечал: «Всё хорошо». Такая форма общения с ним была во время пребывания в аспирантуре. А личные беседы и вопросы – по дороге до метро «Бауманская». А потом каждый шёл в свою сторону.

Он был требовательным, но справедливым, жёстким, но заботливым, иногда резким в официальном общении, но после этой публичной резкости старался сгладить брошенное им невзначай грубое слово. Помню, как в конце первого курса, когда аспиранты отчитывались на заседании кафедры о том, что сделано за год, я сказала, что написала первую главу и половину второй, думая, что, услышав это, он будет рад. Но вдруг Н. А. Кондрашов сказал:

– Ты же ничего не сделала, ты ничего не написала путного, потому что ты не читала философских трудов Гегеля и Фейербаха в оригинале, на немецком языке!

Я села, глотая слёзы... После заседания кафедры он подошёл ко мне и спросил:

– Симонова (моя девичья фамилия), ты сейчас домой идёшь? Подожди...

Мы отправились в сторону метро, оба молчали, я боялась что-либо спрашивать. Когда проходили мимо кафе, располагавшегося около института, он вдруг произнёс:

– Давай зайдём, сока выпьем!

И тут же сказал:

– Чего ты всего боишься, я же учу тебя «огрызаться», отстаивать свою позицию, а ты замыкаешься. Я ведь даже тебя не «ругал». Научись отвечать!

Только потом я поняла, что он учил меня чувствовать себя уверенно во всём, достойно отвечать на претензии со стороны кого-либо, готовил не только к защите диссертации, но и правильно реагировать

на конфликты в жизненных ситуациях. Мне кажется, это был его способ воспитания «робких», которым он старался привить чувство уверенности в себе.

Запомнилось и то, как он оценил мою диссертацию после ознакомления. Читал он её недели две, потом назначил встречу на кафедре для беседы. Естественно, я сильно волновалась. Пришла, робко села на стул. Он, не глядя на меня, курил, потом вдруг спросил:

– Симонова, что же ты панибратствуешь с великими людьми: с Пушкиным, Герценом, Белинским и прочими, тебе до них ещё далеко!

Затем пристально посмотрел на меня, ожидая, что я отвечу.

Совсем растерявшись, я пролепетала:

– Как это? Почему? Я не поняла Вас...

В это время я уловила его усмешку и улышалась:

– Ты же их не уважаешь, инициалы после фамилии ставишь, а обращаться надо сначала по имени-отчеству, а потом уж по фамилии! Поняла?! Исправь везде в работе, поставь инициалы перед фамилиями.

Я выдохнула... Больше он не дал никаких рекомендаций. Отправил к заведующему кафедрой П. А. Леканту выяснить, когда можно обсудить диссертацию на заседании кафедры, и уточнить дату. Это было для меня таким взрывом эмоций: расстройство и радость одновременно.

Надо сказать, что Николай Андреевич не любил «хвалить» своих аспирантов. Как мне теперь кажется, это был его индивидуальный метод погружения аспиранта в научную деятельность: научить самостоятельно искать материал, обдумывать все возможные варианты, а не довольствоваться одним решением вопроса; он подвигал нас к поиску новых способов добычи научной информации, заставлял мыслить, слушать, читать. Н. А. Кондрашов всегда интересовался, посещаем ли мы лекции профессоров МПГИ имени В. И. Ленина и МГУ имени М. В. Ломоносова, участвуем ли в конференциях и т. д.

Он знал много языков, в том числе и славянских, вёл кружок чешского языка.

Я его не посещала, ссылаясь на то, что на это не хватает времени. Как-то раз он сказал, что лингвист должен знать несколько языков, сетуя по поводу меня, что не могу найти возможности прийти на занятия по чешскому. Конечно, я нашла время!

Николай Андреевич заставлял меня изучать башкирский язык и говорил при этом:

– Как это не знать языка той республики, где ты живёшь!? Летом на каникулах учи башкирский язык... Спрошу, когда приедешь!¹

Я выучила все вывески на магазинах, ателье и пр. Когда вернулась с каникул, он даже не поинтересовался, учила ли я башкирский. Прошло месяца два после возвращения из дома. Я успокоилась, думая о том, что теперь он уже забыл и не спросит об этом... Однажды услышала от него:

– Симонова, ну скажи что-нибудь по-башкирски! Учила?

– Мне пришлось пролепетать слова, отражённые на вывесках города Стерлитамака, где я проживала до аспирантуры. К моему удивлению, он засмеялся.

Обычно для стимуляции работы аспиранта он называл периодически каждого из нас «лодырем», а первые наши научные статьи – «чушью». Его слова, частотные в речи при оценке речи аспирантов и первых их научных статей: *чушь, мямля, мычишь, мямлишь*. Позже обидное слово заменялось фразой: «А ничего написала, пойдёт!» И это было самой большой похвалой.

Ко мне Н. А. Кондрашов относился хорошо (на фоне других), считал меня робкой и доверчивой. Диссертацию я написала за 2,5 года [34], он был доволен. После защиты всё спрашивал, вернусь ли я работать в Стерлитамак? Говорил, что мне нужно быть смелее и бойчее, не мямлить, когда

¹ Любопытно в связи с этим заметить, что Н. А. Кондрашов проявлял большой интерес к культуре языков других народов России и впоследствии в соавторстве с коллегой из Башкирии подготовил одну учебную книгу [19], титульный лист которой мы здесь помещаем как уникальный факт, подтверждающий, что слова учителя никогда не расходились с делом.

Титульный лист книги Н. А. Кондрашова и Д. Г. Шариповой «Работа над словом на уроках русского языка в башкирской школе: Методическое пособие» (Уфа, 1991)

ко мне предъявляют претензии, а отвечать смело. Запомнилась такая фраза Николая Андреевича:

– Ведь защиты нигде не найдёшь, сама за себя борись! Ты работоспособная, можешь писать, есть ум, но ты какая-то дикая.

В конце аспирантуры он перестал называть меня «дикой», а после защиты наши беседы стали мягкими, доброжелательными и с юмором. Мы всегда с ним созванивались и позже, когда я уехала домой.

Строгость и требовательность Н. А. Кондрашова, которые он проявлял по отношению к своим аспирантам, способствовали успешному завершению диссертационных исследований. Каждый из нас понимал это только после защиты и был безмерно благодарен Учителю!

В 1994 г. он пригласил меня на повышение квалификации. Я была целый месяц на курсах в Москве и слушала его лекции по общему языкознанию. Мы тогда много с ним говорили об учёных... Он рассказывал про встречу с В. В. Виноградовым (они состояли вместе в редколлегии журнала

«Вопросы языкознания» [26], в котором Виктор Владимирович был главным редактором).

Теперь я вспоминаю Николая Андреевича Кондрашова с большой теплотой и любовью, благодарю его за каждое сказанное мне слово: и грубое, и доброжелательное.

СПАСИБО Вам, дорогой Учитель, за то, что учили преодолевать трудности во всём самостоятельно, методом проб и ошибок.

Боброва Т. А.

*ООО «Наш язык» – редакция журналов «Русский язык в школе» и «Русский язык в школе и дома»
109544, г. Москва, Большая Андроньевская, д. 17,
Российская Федерация*

ЛЮБОВЬ И ПОЧТЕНИЕ С ПЕРВЫХ ДНЕЙ...

В 1961 г. я поступала на филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Конкурс для «школьников», то есть тех, кто пришёл на вступительные экзамены в университет без необходимого в хрущёвские времена двухлетнего трудового стажа или службы в рядах Советской Армии, был огромный – 26–27 человек на место. В этих условиях трудно было надеяться на приём в вуз, а тем более в МГУ. Университетские преподаватели требовали не начётнических, зазубренных знаний, а умения думать, делать собственные выводы из освоенного материала.

Группа девочек сидела в коридоре около аудитории, где сдавали последний экзамен. Результаты ещё не вывесили, не известен был и реальный к тому времени проходной балл. Мимо проходил коренастый, лысоватый, с широким лбом, очень надёжного (как я теперь понимаю) вида мужчина – председатель приёмной комиссии. Замедлив шаг, он посмотрел на нас. Кто-то посмелее начал интересоваться своими перспективами.

– Какие у Вас оценки? – спросил он.

Девушка ответила, а за ней и остальные. Я подала голос последней, назвала оценки, которые оказались выше проходного балла.

– Ну, а Вы – Виктория регия! – шутливо оценил он мои результаты.

Председателем приёмной комиссии в тот год был Николай Андреевич Кондрашов (имени его я тогда и не знала).

В назначенный день я пришла узнать свою окончательную судьбу. Н. А. Кондрашов сидел один в большой, круглой, ярко освещённой солнцем аудитории № 2 (дело было в старом здании МГУ на Моховой). Узнав мою фамилию, он посмотрел в списки и сказал, что я зачислена. Николай Андреевич не мог отлучиться со своего места и измаялся, видно, без курева. И попросил меня, дав денег, сходить за папиросами «Беломорканал». Ничуть не смутившись, вне себя от радостной вести я как на крыльях полетела по Моховой в поисках табачного киоска. Почему-то нашла его только в здании гостиницы «Москва» (мне даже в голову не пришёл вопрос, прилично ли юной деве заходить в гостиничный вестибюль), купила папиросы и на той же скорости бегом побежала обратно, задыхаясь, но сияя от счастья, отдала этот вредный продукт.

Так состоялось моё знакомство с этим замечательным человеком, известным славистом, к которому я на всю жизнь сохранила самые трепетные чувства, благодарность – как к вестнику, сообщившему мне судьбоносное решение, хотя он не стал моим учителем и не вёл у нас никаких занятий.

После окончания университета, уже работая в Институте русского языка АН СССР, я слышала от своей старшей коллеги Галины Яковлевны Романовой – выпускницы славянского отделения – тёплые отзывы о её учителе Николае Андреевиче.

Позже я узнала от мужа, Н. М. Шанского, что они вместе, хоть и на разных курсах, учились с Николаем Андреевичем в «красном лице» – знаменитом МИФЛИ, в первые месяцы войны вместе с другими студентами были направлены на строительство оборонных сооружений под

Смоленском, уходили от бомбёжек вместе с отступавшими нашими войсками, чудом уцелели (не всем удалось) (ср.: [26]). Затем ифлийцы оказались в Ашхабаде, где состоялся выпуск из университета более старшего по возрасту Николая Андреевича... А потом снова на родном факультете Кондрашов и Шанский трудились бок о бок много лет, встречались на различных совещаниях и конференциях, преподавали на факультете повышения квалификации и даже запечатлены вместе на одной такой фотографии слушателей курсов по подготовке преподавателей языковедческих дисциплин вузов при МГУ (1953–1954 гг.), так называемой годичной аспирантуры (в то время возникла настоятельная потребность в квалифицированных кадрах). На этом большом снимке на картоне можно увидеть и других именитых университетских лингвистов и ставших позже известными выпускников курсов.

В августе 1993 г. я перешла на редакторскую работу в журнал «Русский язык в школе», которым с 1963 по 2005 гг. руково-

дил Николай Максимович Шанский. В мои обязанности входила подготовка статей к печати, сверка библиографии, уточнение данных учёных – забот было много, как и интересных авторов. Один из любимых разделов журнала, который я вела, назывался «Лингвистическое наследство», где публиковались статьи о жизни и деятельности языковедов прошлого, юбилейные материалы о них. Постоянным автором этой рубрики и был тогда уже известный многим профессор Н. А. Кондрашов (см., например, его последние статьи: [16; 17]). Он публиковался у нас часто и охотно, был желанным автором. Как мне казалось, в свои статьи он всегда вносил особенную интонацию: помимо глубоких знаний из области истории и теории славистики, Николай Андреевич раскрывал личность учёного, его характер, говорил об этом с любовью, иногда – по своей привычке – иронически и брался за такие фигуры в науке, о которых, как мне теперь кажется, лучше Кондрашова не написал бы никто. В нашем списке публикаций эти статьи

Курсы по подготовке преподавателей языковедческих дисциплин вузов при МГУ. 3-й выпуск 1953-1954 гг.

В верхнем ряду слева направо: доцент В. В. Бородич, доцент Н. А. Кондрашов, доцент Д. Э. Розенталь, профессор С. А. Копорский, директор курсов В. К. Чичагов, профессор Т. П. Ломтев, профессор Н. С. Чемоханов, кандидат философских наук Ш. М. Герман, доцент Н. С. Поспелов.

В нижнем ряду слева направо: секретарь курсов В. И. Климова, кандидат филологических наук В. В. Иванов, доцент К. В. Горшкова, кандидат филологических наук М. Н. Шабалин, доцент Н. М. Шанский.

Фото 1954 г., Москва

являются украшением и служат полезным пособием для совершенствования знаний школьных и вузовских преподавателей.

Помню прощальную встречу в 1994 г., которая, как и та памятная, оказалась встречей наедине – я тоже одна дежурила в редакции. Николай Андреевич пришёл в нашу крохотную комнатку на улице Кедрова, где тогда располагалась редакция, и принёс новую статью «Вклад И. А. Бодуэна де Куртенэ в общее языкознание и славистику (К 150-летию со дня рождения)». С трудом переступил порог, опираясь на палочку, присел, мы поговорили, обсудили необходимые вопросы. К сожалению, эта работа оказалась последней научной публикацией Н. А. Кондрашова в журнале «Русский язык в школе». Она вышла после ухода из жизни учёного 1 апреля и была напечатана в № 3 (май–июнь) за 1995 г. [17], без указания его места жительства на Земле, как это принято у нас. О кончине Николая Андреевича нам стало известно не сразу. Потом я работала уже над некрологом для четвёртого номера [27].

По рассказам и откликам мужа отлично помню, что он верил в порядочность и невиновность Николая Андреевича после той мутной истории в МГУ, когда ему пришлось уйти из alma mater, и относился

к своему старшему коллеге (хотя они почти одногодки, у них разница в несколько лет) с большим уважением, очень ценил его работы по истории языкознания. По сути дела, в течение длительного времени Н. А. Кондрашов один был летописцем славистики в нашем журнале.

В домашней библиотеке сохранилось несколько книг, подаренных профессором Кондрашовым моему мужу. Это учебники Николая Андреевича по истории языкознания. На одном была такая дарственная надпись: «Дорогому Николаю Максимовичу Шанскому от автора с годовыми поздравлениями». Эти книги я храню и сейчас как память о том светлом времени и об удивительной личности слависта Николая Андреевича Кондрашова.

У меня к нему любовь и почтение с первых дней знакомства...

Введенский В. В.

Государственный гуманитарно-технологический университет

142611, Московская область, г. Орехово-Зуево,
ул. Зелёная, д. 22, Российская Федерация

ВСПОМИНАЯ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА...

Этот замечательный человек во многом повлиял на мою жизнь, на моё понимание истинных ценностей. В науке он воспитал во мне умение видеть языковые факты в их разнообразии, системности и развитии, в быту и работе научил корректности и справедливости во взаимоотношениях с людьми, будь то семья, студенты или коллеги. Терпение и доброжелательность – фундамент педагогики моего мудрого учителя. Тонкий аналитик, великолепный знаток славянской филологии, нам, аспирантам, он никогда не демонстрировал своего превосходства, а ясной и чёткой фразой строил беседу так, что ты, ощущая незабываемый вкус исследовательской работы, будто бы сам приходишь к реальным выводам.

До сей поры помню свою первую встречу, первый разговор с Николаем Андреевичем.

Автограф Н. А. Кондрашова на его книге «История лингвистических учений» (Москва, 1979)

Москва, 1972 г., июнь месяц, жара несусветная, кругом торф горит, дым – дышать нечем, а мне, отработавшему в школе два года учителем русского языка и литературы, захотелось перемен, новизны впечатлений, знаний, движения вперёд, того, что сейчас именуют драйвом. В итоге созрело решение поступать в аспирантуру. Ничтоже сумняшеся, ринулся в МОПИ покорять вершины науки. Филологический филиал её храма только что обосновался в здании на Энгельса. С должным трепетом иду по коридору, вижу табличку: «Кафедра русского языка». Ткнулся в дверь – открыто. Вхожу в святая святых. Эйфории поубавилось: шёл в храм – попал в тесную комнатку (меньше, чем кухня в хрущёвке, вот она, проза жизни).

За столом спиной ко мне сидит внушительного вида лысоватый мужчина, за соседним – лаборантка. Каждый занят своим делом, внимания на меня не обращают, возятся с какими-то бумагами. Постоял, покашлял. Мужчина оценил взглядом.

- Тебе чего?
- Приехал поступать.
- Откуда?
- Из Смоленска, учитель.
- Чем интересуешься?
- Лексикой (в институте нам читал этот курс Л. П. Крысин, у него же писал курсовую – повезло).
- Исторической или современной?

Быстро соображаю: историческая – изменение во времени, фиксация лексем (тексты, словари), удобно работать; современная – статика со всеми вытекающими, много субъективного в трактовке контекстуальных значений.

- Исторической.
- Направление есть?
- Есть.
- Так. Возьми слова на *-ло/-дло* (*шило, мыло, мотовило – падло, быдло, повидло*), посмотри, чем они интересны. Объём 70–75 страниц. Работу привези в начале сентября. Будь здоров!

Вышел ошарашенный. Вроде бы всё по делу, а что, собственно, делать – не ясно. Слегка даже обиделся: ничего конкретного

не объяснил – иди, работай. Ну, да не боги горшки обжигают...

Это потом осознал: так мой будущий шеф сурово проверяет и самостоятельность мышления, и умение искать нужную литературу, языковой материал, и логику исследования, и справедливость выводов – весь спектр параметров научной работы. Быстро, коротко и ясно – реальный стиль его работы.

Сентябрь. Привёз реферат, жду, когда Николай Андреевич освободится. Он о чём-то оживлённо толкует со студентами в аудитории. Увидел меня.

– Привет. Подожди, сейчас закончу, обсудим твой опус.

Внимательно наблюдаю сам процесс его работы, благо, дверь открыта. Звонок. Возле стола студенты облепили профессора со всех сторон, что-то громко обсуждают, галдят, перебивают друг друга и его самого, доказывают что-то, своё мнение отстаивают, ведут себя с ним на равных, никакого пиетета! Зато живо, да и студентам на пользу.

Пришли на кафедру. Посадил рядом, тщательно изучает каждую страницу, молчит, иногда над чем-то хмыкает.

– В целом неплохо. Только как это ты посмел Виноградову перечить? Ткнул в текст пальцем. По классам глаголов у него одни выводы, а у тебя другие, почему?

Вот он, момент истины! Не сумею объяснить – тупица в его глазах, сумею – считай, приняли.

– Николай Андреевич, так ведь объёмы разные. У Виноградова, наверное, штук 20–30 наиболее частотных лексем, для них его вывод справедлив, я проверял, картина верная, а у меня почти всё гнездо, более 200 лексем, обследовано, материал показывает другую картину. Мне кажется, это более корректный вывод для всей группы слов, да и задачи разные: у В. В. Виноградова – общий обзор тенденций, а у меня – частный случай конкретной группы лексем.

– Мысль верная, хотя пока сырая. В отделе аспирантуры скажешь, что я – твой научный руководитель. А пока оформляй

документы, жди вызова, встретимся на заседании кафедры.

И для него уже ни меня и никого другого здесь нет. Профессор уткнулся в толстенную книгу, внимательно её штудировал, карандашом делает какие-то пометки, но всё вокруг видит и слышит мой прозорливый шеф.

Так с лёгкой руки Николая Андреевича определилась моя жизненная тропинка, моя профессия [1], которой я отдал 45 лет. Не знаю, чего больше получил я от своего наставника – умений ли в научном поиске, житейской ли мудрости у него научился, не знаю... Всего в достатке у моего шефа, и он охотно и щедро делился своим богатством с нами.

Вонтелева Т. М.

*Московский государственный
областной университет*

*141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

УЧЁНЫЙ, КОТОРОГО Я ПОЧИТАЛА

При имени профессора Кондрашова у меня всегда замирало сердце, а при виде самого Николая Андреевича хотелось спрятаться куда-нибудь. Мы боялись его немного. Он казался тогда очень строгим и даже грубоватым. И это нас немного отталкивало от него. Мы, конечно, догадывались, что перед нами необычный человек, который прошёл большую школу науки и жизни (см. подробнее: [26]).

Читал нам Н. А. Кондрашов «Общее языкознание». Позже я поняла, что это всё-таки были лекции по его книге «История лингвистических учений» [13]. А ещё в нашей библиотеке стоял и другой его учебник – «Общее языкознание» [11; 12]. Свои записи я хранила много лет, уже когда сама работала в вузе. Студенческие тетрадки были моими верными помощниками в начале преподавательской деятельности, потому что приходилось читать и современный русский язык, и языкознание, и даже историческую грамматику.

Николай Андреевич очень не любил, когда мы опаздывали на его занятия.

– Надо приходиться или вовремя, или заходя, – говорил он строго.

Всех нас Н. А. Кондрашов знал в лицо и помнил по фамилиям. Однажды я не пришла к нему на лекцию. И как часто бывает с нерадивыми студентами, на перемене столкнулась с ним в нашем тесном, узком коридоре во флигеле на ул. Радио.

– Здравствуйте, Николай Андреевич! Извините, я опоздала.

Своей реакцией он меня сразил наповал и поставил в тупик.

– Опоздала зайти в аудиторию? Или опоздала приехать?

Я растерялась, потому что не была готова к ответу, ведь просто решила прогулять...

Хотелось бы вспомнить, как Николай Андреевич проводил заседания диссертационного совета, в котором он был много лет председателем. Мне довелось рядом с ним работать в качестве технического секретаря.

Он очень чётко, лаконично высказывался по поводу работ, но, как мне кажется, не любил, когда кто-то из диссертантов затягивал свою благодарственную речь, особенно если она звучала очень эмоционально, с всхлипываниями и слезами. Он тут же вставал со своего места, и если этого было мало, то просто говорил примерно так:

– В общем, спасибо всем!

Николай Андреевич Кондрашов... Человек, учёный, которого я всегда уважала и почитала.

Голованевский А. Л.

*Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
241036, Брянская область, г. Брянск, ул. Бежицкая,
д. 14, Российская Федерация*

У НЕГО БЫЛО ОСОБОЕ НАУЧНОЕ ЧУТЬЁ

С Николаем Андреевичем Кондрашовым в течение многих лет нас связывала творческая дружба, и он всегда оставался для меня Учителем.

Знакомство наше произошло в 1970 г. во время пребывания на ФПК в МГУ. Он по

приглашению читал лекцию о славянских языках. Я уже тогда много слышал о нём как об оригинальном учёном, имевшем на многие привычные вещи свой взгляд. Тогда же я показал Николаю Андреевичу свои наработки по кандидатской диссертации (см.: [3]) и попросил его быть моим научным руководителем в целевой аспирантуре, куда я поступил из Кокчетавского пединститута в 1971 г.

С тех пор наши творческие связи не прерывались, и каждая встреча с Николаем Андреевичем была своеобразным научным событием. А виделись мы с ним и в «Славянском базаре», где он всегда за себя платил сам, и довольно часто в старой и новой квартире на Щербаковской и Ленинском проспекте, и на различных собраниях в МОПИ имени Н. К. Крупской. Многие его реплики по различным поводам я помню до настоящего времени.

Меня всегда поражала его отзывчивость, помощь по всякому поводу. Помню, как он у проректора по науке подписал один мой документ, когда встретился с ним в коридоре. Именно благодаря ему появились мои статьи в сборниках МОПИ, МГПИ имени В. И. Ленина и других вузов.

Язык Николая Андреевича отличался особой выразительностью и меткостью. Но, по-моему, он всегда, даже когда язвил, относился к людям с уважением.

Вспоминаются многие случаи, в том числе и обсуждение кандидатской диссертации Л. К. Обьедковой [28], моей жены, когда, несмотря на, казалось бы, едкие замечания, он рекомендовал её к защите.

У него было особое научное чутьё, поэтому каждое предложение Николая Андреевича, а мы с ним общались особенно часто во время работы над докторской диссертацией (см.: [4]), было ценно и продуктивно.

Не раз он редактировал наши совместные статьи... Это был настоящий урок мастера!

Многое запомнилось на всю жизнь о человеке, благодаря которому свершилась моя научная судьба.

Гордеева О. Н.

*ГБОУ города Москвы «Школа № 2115»
117418, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д. 56,
к. 2, Российская Федерация*

НАСТОЯЩИЙ УЧИТЕЛЬ

Я окончила факультет русского языка и литературы МОПИ имени Н. К. Крупской в 1978 г. С благодарностью вспоминаю Николая Андреевича Кондрашова – удивительного преподавателя и человека, знатока многих европейских языков, учёного, бесконечно влюблённого в науку.

«Общее языкознание» – не самый простой для студентов предмет – Николай Андреевич старался донести до нас понятным, доходчивым языком, щедро делился с нами и приёмами педагогического мастерства.

Как учитель русского языка и литературы я неоднократно обращалась в своей работе в школе к его лекциям и после окончания института, а труд профессора Кондрашова «Основные вопросы русского языка» [14] стал для меня настольной книгой.

Он был требовательным преподавателем и одним из самых талантливых педаго-

Титульный лист книги Н. А. Кондрашова
«Основные вопросы русского языка» (Москва, 1985)

гов у нас на факультете. Проработав много лет в школе, понимаю, что только таким и должен быть настоящий учитель, стремящийся сеять в своих учениках «разумное, доброе, вечное».

Градинарова А. А.

Софийский университет имени

Св. Климента Охридского

1504, г. София, бул. Цар Освободител, д. 15,

Республика Болгария

ОСТРОУМНЫЙ И МУДРЫЙ

Я познакомилась с Николаем Андреевичем, моим научным руководителем, осенью 1978 г., после поступления в аспирантуру. В своей дипломной работе я писала о некоторых группах фразеологизмов, отмеченных в «Записках» замечательного русского естествоиспытателя, учёного-самоучки и мемуариста Андрея Тимофеевича Болотова. Н. А. Кондрашову были хорошо известны болотовские мемуары. Он считал их язык необычайно интересным. Зная о том, что с лингвистической точки зрения эти тексты ещё подробно не изучались, воодушевлённо предложил мне это сделать. Так была определена тема кандидатской: «Язык А. Т. Болотова (лексика и синтаксис)» [20]. Позднее, замечая моё недостаточное усердие в написании отдельных глав диссертации и отсутствие необходимой дисциплины, Николай Андреевич, сам способный выдавать по 20 страниц научного текста в день, укоризненно советовал мне «брать пример со своего Болотова», у которого день не проходил без написания «исторических записок», статей для «Экономического магазина» или просто изложений своих дел и произошедших с ним событий.

Николай Андреевич живёт в моей памяти не только как замечательный учёный-славист, опытный научный руководитель, умеющий доступным образом вложить в голову ученика все тонкости стратегии и тактики написания научного труда, вплоть до деталей корректорской обработки тек-

ста (навсегда запомнилось: «С то есть предложение начинать нельзя!»).

Помню его как добросердечного и мудрого человека. Кажется, при разговоре ему трудно было сохранять серьёзный вид. Ирония и юмор так и просились наружу. Помню, как он удивлённо поднимал брови и, улыбаясь, вставлял какой-нибудь остроумный комментарий. Эти ремарки никогда не были злыми или обидными. Они были смелыми, но добрыми.

Я понимала: он был на войне... он многое знает... о жизни... о цели... о смерти...

Джанумов С. А.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный

проезд, д. 4, Российская Федерация

ЗА РУССКИЙ ЯЗЫК!

Я познакомился с Николаем Андреевичем Кондрашовым сразу после того, как он перешёл на работу в МОПИ из МГУ, где, если не ошибаюсь, был заместителем декана филологического факультета. Н. А. Кондрашов проявил себя как знающий, высококвалифицированный преподаватель, плодовитый исследователь, автор множества статей, монографий и учебных пособий. Правда, я у него не учился, так как в ту пору, когда он поступил к нам на работу, был уже аспирантом кафедры русской литературы. Кстати, какое-то время Николай Андреевич был деканом нашего факультета русского языка и литературы, а затем – заведующим кафедрой русского языка.

Специалистом, насколько я могу судить, он был хорошим, а как личность – человеком острым на язык, и не всегда его шутки носили безобидный характер (ср.: [26]). Так, например, вспоминается его любимый тост на банкете после защиты того или иного соискателя (особенно, если он не был русским по национальности): «Выпьем за русский язык, который так хорошо нас кормит!»

Вместе с тем он не был человеком злопамятным, а эрудиции его мог позавидовать любой дипломированный лингвист. Позднее, когда я уже сам стал деканом (с 1982 года), то ценил его как хорошего заведующего, который образцово выполнял все поручения деканата, как дисциплинированного и ответственного преподавателя, профессора, который в качестве научного руководителя подготовил немало кандидатов и докторов филологических наук.

Добродомов И. Г.

*Московский педагогический
государственный университет*

*119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1,
стр. 1, Российская Федерация*

ПРОПАГАНДИСТ В НАУКЕ

Николай Андреевич Кондрашов состоял в нашем диссертационном совете. Большею частью сидел спокойно. Очень грамотный. Знал много языков. Когда ВАК принял решение о том, что советы надо комплектовать из учёных не старше 70 лет, то мне позвонили и предложили вывести Н. А. Кондрашова из совета по возрасту. Он тогда уже болел. А я его оставил.

Обложка книги Н. А. Кондрашова
«Славянские языки» (Москва, 1956)

Сказал, что вот поправится, тогда и будем разбираться. Но скоро его не стало.

Н. А. Кондрашов очень хорошо знал лексику. Ещё в молодые годы, когда я только подступался к изучению языков, обратил внимание на его книгу «Славянские языки» [10] – для меня это было очень интересно.

Николай Андреевич был пропагандистом в науке. Вспоминаю его участие в публикации работ зарубежных лингвистов. Редактор издательства иностранной литературы М. А. Оборина очень хорошо к нему относилась и поддерживала его инициативы. В нём чувствовались основательные знания.

Ермакова Н. Ф.

*Московский государственный
областной университет*

*141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

УЧИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ДАЛ МНЕ ПУТЁВКУ В ЖИЗНЬ

Николай Андреевич Кондрашов как учёный обладал обширными филологическими знаниями, умением отстоять свою точку зрения, позицию по разным вопросам и науки, и кафедральной политики. Он всегда уважительно относился к лингвистическому наследию.

Мне повезло, что я была его ученицей. Для меня он и сейчас остаётся мудрым наставником, учителем, который дал мне путёвку в жизнь: я очень ему благодарна за выбор темы для моего научного исследования и человеческие советы.

Николай Андреевич был человеком обаятельным, талантливым, интересным и внимательным собеседником, воспитателем, требовательным и к себе, и к аспирантам, и к преподавателям, справедливым, влюблённым в свою профессию.

С большим удовольствием вспоминаю уроки чешского языка, которые он мне давал.

До конца своей жизни он оставался красивым человеком, мужественно переносил свою тяжёлую болезнь.

Инчина Л. Г.

*Башкирский государственный университет,
Стерлитамакский филиал
453100, г. Стерлитамак, проспект Ленина, д. 49,
Республика Башкортостан*

СЛЕД В ДУШЕ ОСТАЁТСЯ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Я училась в заочной аспирантуре МОПИ в 1979–1983 гг., поэтому наши встречи с Николаем Андреевичем были, к сожалению, редкими и короткими: прилетела, отчиталась на заседании кафедры о проделанной работе, получила очередное задание и улетела. С работы отпускали на 2–3 дня, а сколько надо было успеть сделать... Мы больше переписывались.

Николай Андреевич относился к той категории людей, с которыми встретишься один раз, а след в душе остаётся на всю жизнь. На работе он был требовательным, строгим, порой резким в своих суждениях, но тем не менее справедливым и человечным. К своим аспирантам он относился по-отцовски: сочувствовал, по-своему жалел, но и доставалось нам от него больше, чем другим. Порой так меня ругал, что руки опускались: «Дура, на заочное перевелась, что ты там в своей дыре можешь написать?» Но уж если похвалит, что было редко, горы хотелось свернуть. А домой вернёшься: работа... семья... И думаешь, как же был прав Николай Андреевич!

Обычно говорят, что руководителей или уважают, или боятся. Я не могла не уважать, поскольку была так воспитана, но и боялась Николая Андреевича до дрожи в коленях. Никогда не спорила с ним, с его мнением, всегда взвешенным и продуманным, нельзя было не считаться. Хотя иногда обижалась, когда он возвращал мне работу, на мой взгляд, непрочитанную, без пометок. И хорошо, что не высказывала свою обиду вслух, потому как замечания в конце всегда были по существу. И только позже, проверив сотни курсовых и дипломных работ, я поняла, что ему и не надо было её читать, с таким опытом достаточно просмотреть работу и увидеть главное.

В одном из своих писем Николай Андреевич написал мне, что «готовить аспирантов – пустая иногда затея. Надо переходить на чтение спецкурсов». Надеюсь, что я не была для него «пустой затеей» (см. дисс.: [5]), и очень благодарна ему за то, что он поддерживал меня все эти годы, заставлял работать и довёл до защиты.

Колесникова С. М.

*Московский педагогический
государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1,
стр. 1, Российская Федерация*

ОТКРЫТЫЙ, ИСКРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК

Николай Андреевич открыл мне дорогу в интереснейший мир русской филологии. Он стал для меня не просто научным руководителем кандидатской диссертации, а учителем-другом, с которым я делилась простыми житейскими радостями, обменивалась мнениями о прочитанной книге. За чашкой чая дома Николай Андреевич мог рассказать анекдот на злобу дня, пошутить, сыграть партию в шахматы...

Мы познакомились с Н. А. Кондрашовым тридцать лет назад, в 1989 г., перед поступлением в аспирантуру МОПИ имени Н. К. Крупской. Я встретила с Большим Учёным, который с первой же встречи проявлял ко мне уважение, наш научный диалог был на равных. Николай Андреевич всегда вёл себя галантно и дипломатично в деловых отношениях и частной беседе (в общении он всегда обращался ко мне на «Вы»). Такая культура общения и поведения, как правило, характеризует людей Великих, высоконравственных, настоящих Педагогов. Именно таким и был Николай Андреевич Кондрашов.

В самом конце осени 1989 г., начале зимы, предварительно созвонившись с Николаем Андреевичем по рекомендации Нины Михайловны Лаврентьевой, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка Мордовского государственного педагогического ин-

ститута имени М. Е. Евсевьева, я, молодой 24-летний преподаватель этого вуза, приехала к нему домой, в высотку на Ленинском проспекте. Сегодня, проезжая мимо, обязательно бросаю свой взгляд на окна в квартире того самого дома, где проходили наши встречи и дружеские беседы с Николаем Андреевичем и его супругой, Ниной Алексеевной Голубевой; вспоминается добрая атмосфера, царившая в то сложное время.

Период конца 80-х и начала 90-х годов прошлого века для нашей страны был «перестроечным», и жизнь обычной российской семьи была нелёгкой: зарплату получали либо в виде бартера (какого-то ненужного товара, который необходимо было реализовать), либо её задерживали на 3–4 месяца и более. Это было время огромных очередей и глубокого дефицита, локальных военных действий внутри страны и за рубежом...

И в семье Кондрашовых было тоже не просто: сын Николая Андреевича тогда находился в служебной командировке, а внук жил с ними в Москве и готовился к поступлению в МГИМО.

При первой же нашей встрече, когда обсуждался круг моих научных интересов, Николай Андреевич подарил мне тему, которой я занимаюсь все эти годы, – градуальность и градационные отношения в русском языке. Тогда он внимательно выслушал меня, достал с полки книгу «Новое в зарубежной лингвистике» и сказал: «Прочитай статью Э. Сепира». Его работа называлась «Градуирование: семантическое исследование» [33]. Впоследствии данная проблема стала для меня основной темой занятий, а синенький томик научных статей по зарубежной лингвистике 1985 г. я храню до сих пор в память о Николае Андреевиче. Рядом с книгой стоит его же учебник «История лингвистических учений» [13].

Сначала мне было сложно разобраться с темой. Тогда мне казалось, что текст состоит только из непонятных мне слов и терминов: читала его по нескольку раз с лингвистическим словарём и словарём иностранных

слов; переписывала статьи для себя, так как книгу надо было вернуть Николаю Андреевичу в обозначенный срок... Потом начала готовить вступительный реферат по данной теме, который печатала сама по ночам на отремонтированной мужем машинке (семья меня всегда поддерживала и помогала). Работала ночами, потому что у меня в то время было двое маленьких детей (4-х и 2-х лет): днём – институт, вечером – семья и дети, ночью – наука. Сегодня я уже понимаю, что первый мой опус был только заявочным, и в нём легко просматривался почерк совсем молодого и неопытного исследователя, однако Николай Андреевич оценил его на «отлично», прекрасно понимая, что это самостоятельный труд человека, искренне желающего поступить в аспирантуру и посвятить себя науке. Сердечно благодарю его за тот бонус, который он мне тогда предоставил!

На вступительном экзамене у меня был вопрос по синонимии и антонимии в русском языке и по вступительному реферату. Николай Андреевич внимательно слушал ответ и обратил моё внимание на наличие градационных отношений в синонимико-антонимическом комплексе.

Через месяц я получила письмо, в котором сообщалось о моём поступлении в аспирантуру. Радости моей не было предела – мне хотелось прыгать от счастья до потолка! Столько эмоций... Я – аспирантка! Мой научный руководитель – профессор Кондрашов, автор известных учебников! Все характеристики Николая Андреевича для меня были очень значимыми и авторитетными.

И всё началось: работа с фондами научной литературы в залах Ленинской библиотеки; анализ языковых единиц и конспектирование статей и монографий; чтение художественной литературы и составление картотеки; доклады и конференции, статьи... Потом научные рассуждения и дискуссии по теме исследования с Николаем Андреевичем и коллегами. Он писал мне о разных формах проявления градации в системе языка, цит. (письмо от 11.XI.1990): «Я думал о градациях. Пришёл к выводу..., что

первоначальным элементом структуры сравнения является отрицание... Следует подумать о компаративе и суперлативе... и в следующей статье отразить...». Он помогал мне во многом. Помню, как для разбора польского текста [39] профессор Н. А. Кондрашов оставался со мной в университете после занятий, чтобы перевести основные разделы на русский язык.

Началась активная работа по написанию частей и глав диссертации... Её готовый текст Николай Андреевич читал уже в конце зимы 1993 года на даче. Высказав несколько замечаний, он определил приблизительные сроки обсуждения и сказал: «Надо выходить на защиту!» Всё состоялось по его плану... Кандидатская диссертация «Градационные отношения в современном русском языке» была защищена 4 ноября 1993 г. [7].

С Николаем Андреевичем у нас сложились очень тёплые, даже дружеские отношения. В те годы мы вели почтовую переписку (сотовых телефонов и компьютеров ещё не было), созванивались по домашнему номеру, обменивались информацией. Некоторые письма Николая Андреевича у меня сохранились, а другие, увы, затерялись при неоднократном моем переезде на новое место жительства. Писали обо всём: о семье, научной проблеме, книгах и даже о комарах (примечание: помню, что написала ему как-то, что нахожусь на даче – кормлю комаров; в ответ получаю: «Привет Вам и комарам. Н. А. Кондрашов»). Именно в письмах Николай Андреевич сообщал мне о вышедших публикациях и предстоящих защитах моих коллег (цитирую письма от 7.XI.1990, 12.III.1993, 09.X.1994):

«Книгу я, как водится, получил и за праздник прочёл. Большое спасибо...» (Николай Андреевич пишет о книге Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма»);

«Я думаю, что с выходом присланной Вами статьи можно защищать свойopus...» (от 12.III.1993);

«За это время обсуждись две аспирантки – Мысенко и Фомина. Обеих одобрили. 18 марта защищаются тоже две: Леурда

и Дейкина. В мае защищается Колычева. Остаются Колесникова и Веклич. Обе будут защищать уже в октябре...» (от 12.III.1993);

«Уже начались защиты. 6.X. прошла защита рязанского Климушина. 13.X. защищает Елисеева (о почтовой терминологии)...»; «Сообщаю данные Вашей депонированной статьи... Вам один выход: поступать в докторантуру...» (от 9.X.1994).

Его письма являются ярким примером текста эпистолярного жанра: обязательное датирование (в левом верхнем углу), обращение к адресату или его приветствие: «Добрый день, Светлана Михайловна!» (от 11.XI.1990), «Дорогая Светлана Михайловна!» (от 12.III.1993 и 09.X.1994) и др. После основного текста следовали небольшое обобщение: «Желаю всего самого доброго в семье и на работе. Н. А. Кондрашов» (от 09.X.1994), «С приветом, Н. А. Кондрашов» (от 12.III.1993), – и личная подпись.

Я уже отмечала, что время тогда было сложное: пустые прилавки, талоны; путчи, танки... (этот период у меня соотносится с трилогией А. Н. Толстого «Хождение по мукам», отразившей судьбу русской интеллигенции накануне, во время и после революционных событий 1917 года). Картина печальная... Сейчас даже страшно об этом вспоминать. Но наука держалась, труды писались, а люди выходили на защиты своих научных исследований! Выживали сообща. Спасались дачей: картошка, овощи, грибы. Когда приезжала в Москву, то оставалась у своих дальних родственников на Таганке, так как за общежитие нечем было платить, да и время на дорогу в библиотеку экономила.

Весь 1993 год Николай Андреевич чувствовал себя плохо... Несколько раз лежал в больнице. Он не хотел, чтобы его видели таким ослабевающим... Мне он иногда разрешал навещать его. Даже находясь в больнице, он держался бодренько и давал мне ценные советы перед защитой.

В 1994 году он работал в щадящем режиме (занятий было немного, проводил

индивидуальные консультации), но науку не оставлял (читал диссертации, писал статьи)... Здоровье, к сожалению, не улучшалось.

А 1 апреля 1995 года Николая Андреевича не стало... В день юмора ушёл открытый, искренний человек, умеющий искромётно шутить, не унывающий ни при каких обстоятельствах, любящий жизнь во всех её проявлениях.

Кунарёв А. А.

*Московский государственный
областной университет*

*141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

ПРИЗНАТЕЛЬНАЯ ЧАША

... – Вопрос о включении общенной лексикой в словарь обсуждался в Академии наук долго и бурно. Известная вам Евдокия Михайловна Галкина-Федорук выступила так: «Я безоговорочно за, и не потому что сама закоренелая матерщинница. Мы не имеем права оставить за бортом этот пласт не только русской, но общеславянской лексики. Лексикой древней по происхождению, но при этом исключительно живучей, продуктивной и... исключительно востребованной в нашей многонациональной стране!»

В аудитории оживление, смешки, перемигивания. После небольшой паузы Николай Андреевич продолжает:

– Тем не менее вышестоящие инстанции вердикт лингвистов оставили без внимания – мол, в светлом будущем «нехорошие» слова не потребуются, поскольку люди будут счастливы. Возможно, что и так, кто ж его знает, как изменится человек и изменится ли вообще... Вспоминается в связи с этим одно происшествие. Как-то Галкина-Федорук, проходя мимо канализационного люка, из которого вылезал слесарь, случайно наступила ему на руку. Нетрудно догадаться, как по этому поводу высказался бедолага. Выслушав этот спич, профессор МГУ дала витиеватую трёхэтажную отповедь. Потрясённый сантехник чуть не

свалился с лестницы. (*Хохот.*) Однажды я спросил у Евдокии Михайловны, правда ли это? «Поклёп! – ответила она. – Я применила СЕМИЭТАЖНУЮ конструкцию!»¹ (*Взрыв.*) Повторю: будущее не является предметом языковедения, мы не футурологи, не прорицатели; задача лингвиста – собирать и описывать имеющиеся факты языка, не более. Но и не менее. Для нас с вами нет и не может быть нелюбимых слов, потому что мы, филологи, по определению, *любящие слово*. Этические оценки того или иного языкового материала, а тем более назидания оставим моралистам.

Коренастый, плотный, крепкий, лобастый – в нём ничего не было от расхожего образа учёного мужа не от мира сего. Скорее, русский мужик, сметливый, спорый и ухватистый, на все, как говорится, руки, гораздый и поле вспахать, и избусрубить, и сказку сказать. С ним всегда было интересно, азартно, весело и – главное – умно. Чем-то он походил на Сократа, каким его изобразил Платон: простота и добродушие сочетались в нём с твёрдостью, глубиной и каким-то обаятельным благородством.

Курс общего языкознания профессор Кондрашов не читал – он *проживал* его вместе с нами, студентами. Понять это можно, вспомнив толстовское сопостав-

¹ Евдокия Михайловна Галкина-Федорук (1898–1965) – доктор филологических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, специалист по современному русскому языку – предмет шуток не одного поколения студентов и преподавателей, передававших эту историю в разных вариантах как подлинный факт. Между тем сохранились и другие воспоминания, свидетельствующие о том, что эту легенду когда-то выдумали: «О всяких связанных с ней историях и анекдотах до сих пор живы рассказы, в которых сосуществуют и правда и выдумка. Очень самобытная, она, по-моему, и подыгрывала ещё, стараясь сохранить свой неповторимый “имидж” и др. Однако многие студенты тех лет не отрицали интереса Е. М. Галкиной-Федорук к экспрессивной лексике. Так, Алексей Аджубей писал в воспоминаниях так: «Сам Рабле мог бы позавидовать сочности и яркости её речевых оборотов, когда она читала лекции о вульгарных словах и выражениях в русском языке. “А ну-ка, запри дверь”, – обращалась она к старосте курса...» [см. URL: <https://tailer-durnen.livejournal.com/409440.html> (дата обращения: 02.10.2019)].

ление двух всадников: один – это человек, который сел на лошадь, другой же – «человек вместе с лошастью одно, увеличенное двойною силою существо». Вот таким *существом*, в котором личность и наука составляли нераздельное целое, был и Николай Андреевич.

Насколько я помню, он не пользовался конспектами или заметками, но каждое положение подтверждалось многочисленными и разнообразными фактами: в русском – так, а вот так – в чешском, похоже – в болгарском, иначе – в немецком и т. д. При этом он иногда облизывал губы, что делало его похожим на гурмана – точнее, хлебосола, Амфитриона, приглашающего гостей отведать то или иное слово и оценить богатство его букета, насладиться выдержкой, упругостью, игрой цвета и звука. Любовь к слову была его естественным состоянием, такою же данностью, как способность дышать, видеть и слышать, – жить.

История языковедения в его подаче представляла историей человеческой мысли (ср.: [26; 37]), поначалу робкой и наивной, но зреющей, мужающей, набирающей опыта, гибкости и трезвой отваги. Рассказывая о становлении лингвистики, Кондрашов будто любовался даже самыми ошибками, совершёнными на пути к научному представлению о главном инструменте познания – языке.

Едва ли не о каждом учёном, упоминавшемся в лекциях, он что-нибудь рассказывал: случай из жизни, привычки, странности – какие-то чёточки, позволяющие за лоском академического портрета увидеть живое человеческое лицо. По его лекциям помню, как Сталин затаил обиду на старика Марра, забрызгавшего его слюной на какой-то конференции... Помню, как Виноградова вызвали в Кремль доложить об исторических корнях русского языка и прервали после того, как он назвал один из источников – южные говоры, не дав возможности сказать о северных... На мужскую же часть нашего курса неизгладимое впечатление произвело сообщение

об Августе Шлейхере¹, который, покидая аудиторию, превращался в обыкновенного бурша и с удовольствием принимал участие в студенческих пирушках и проказах. Этот факт мы восприняли как руководство к действию.

Дней за десять до начала «госов», в 20-х числах мая 1979 года, мы сдали свой последний экзамен – по общему языкознанию. В аудитории ещё готовились к ответу несколько человек, когда мы вызвали Николая Андреевича. Он вышел.

– Николай Андреевич, у нас к вам очень важное дело.

– Слушаю.

– Мы решили возродить традицию выходящегося компаративиста.

– Какого именно? Джонса? Востокова?... – Кондрашов чуть улыбнулся.

– Августа Шлейхера.

– Гмм... Что за традиция?

– Ну, Вы же сами рассказывали, что он выпивал со своими студентами после занятий. Приглашаем вас сегодня в «Три коня», как освободитесь.

– Подождите.

Николай Андреевич вернулся в аудиторию, заглянул в ведомость и проговорил:

– Через полчаса я к вашим услугам.

«Три коня», «Тройка» – так называлась огромная столовая, находившаяся через улицу от факультета. Своё название она получила из-за металлического панно над раздачей, изображавшего русскую тройку. Сколько поколений мопийцев прошло через это довольно невзрачное заведение общепита! Сколько помнили его стены! Сердечные излияния, клятвы, яростные споры, слёзы и смех, душевные разговоры, анекдоты и чистосердечные признания – здесь была столица студенческой республики, несменяемым и непререкаемым президентом которой являлась тётя Соня – маленькая татарка-буфетчица с пронзительно чёрными глазами. Тётя Соня знала всех своих завсегдатаев – любителей

¹ Август Шлейхер (1821–1868) – крупнейший представитель немецкой классической школы компаративистики, сторонник натуралистического подхода к анализу языковых явлений.

пива, а было их... Проще перечислить тех, кто пиво не любил. Но Кондрашова мы звали не к тётке Соне, а на возносившийся над буфетом второй ярус – некое подобие ресторана, главным (и едва ли не единственным) блюдом которого был цыплёнок табака. Мы наскребли по всем сусекам рублей по пяти с носу, чтоб хватило на угощение любимого профессора. Он появился, как и обещал, через полчаса. Поначалу мы чувствовали себя скованно, разговор не очень-то клеился, но появился коньяк и, тост за тостом, постепенно развязал языки.

За что пили? За дружбу, за МОПИ, за молодость, за любовь, за науку, за «сбычу мечты», за филфак и примкнувший к нему истфак – за всё, что было и будет хорошего и доброго. Наконец я провозгласил:

– Помните, у Пушкина: «И за учителей своих заздравный кубок подымает»? Так вот, за вас, Николай Андреевич! Здоровья вам, толковых студентов, лучше нас (хоть лучше не бывает!), творчества!

Я уже поднёс к губам рюмку, но Кондрашов остановил меня:

– Погоди! В «Полтаве» учителя – шведы, побеждённые враги. У нас, по-моему, случай другого рода. Лучше так:

*Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мёртвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим!*

Так и я воздам своим учителям и наставникам – что бы я был без них! В том числе, – он лукаво прищурился, – за Августа Шлейхера, который помог нам сегодня собраться! *Gaudeamus igitur!*

... Подошёл момент расчёта. Мы вывалили свои рубли на блюдечко – к счастью, хватило даже на скромные чаевые. И тут Николай Андреевич протягивает рублей двадцать:

– Моя доля.

– Что Вы, не надо, это же мы Вас пригласили!

Кондрашов ничего не хотел слушать. И тогда появилось вполне естественное ре-

шение – продолжить гулянку на лужайке – так назывался небольшой газон справа от входа на факультет. Снаряжённые в магазин гонцы обернулись в несколько минут. Наша компания расположилась на травке, вино пошло по кругу, к нам присоединились парни и девчонки с младших курсов, потом невесть откуда появилась гитара. Чего мы тогда только не спели: и «Чёрного ворона», и «Любо, братцы, люблю...», и Есенина, и «Машину времени»... Мы обнимались, целовались, танцевали, смеялись... А Николай Андреевич восседал на единственном на лужайке пенёке, подпевал и хлопал в ладоши, улыбаясь.

В какой-то момент я осознал, что Кондрашов пропал. Посмотрев по сторонам, я заметил его фигуру, направляющуюся в сторону «Бауманской». Бросив гитару, ринулся за ним – проводить.

– Ну, что ты, я ж не старик немощный! Я сегодня с вами лет на 30 помолодел. Дойду! А ты – возвращайся, пой дальше. У тебя получается.

Он пожал мне руку – крепко, честно – и, повернувшись спиной, зашагал к метро.

С той поры прошло ровно 40 лет. Мне 60 – столько, сколько было тогда Николаю Андреевичу. Иногда пою. Правда, получается всё хуже. Но когда думаю о поре юности, мысленно подымаю признательную чашу за наставников, среди которых одно из главных мест занимает Николай Андреевич Кондрашов.

Леденёва В. В.

*Московский государственный
областной университет*

*141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

ОН СМОТРЕЛ В БУДУЩЕЕ

Николай Андреевич был отличным лектором, обладал широкой эрудицией, понимал и поддерживал студентов, проявлял беспощадность к аспирантам. Он легко определял тех, кто самостоятелен, будет работать в науке. Нам читал общее языко-

знание, краткий курс по польскому языку и культуре, когда ещё лингвокультурологии не было. Тревожной темой для него была Великая Отечественная. Преданных людей берёг.

Он требовал от аспирантов знакомства с современной научной литературой, её глубокого прочтения, чтобы они были в курсе той проблематики, которая интересует лингвистику сегодня. И каждая новинка (переводные издания) обсуждалась в аудитории, независимо от того, какой проблематикой занимался аспирант.

Николай Андреевич посвятил много статей анализу научной деятельности языковедов прошлого и современников,¹ издал учебник по истории лингвистических учений [13], хотя были оппоненты, коллеги, кто не считал эту область подлинно научной сферой разысканий. Но жизнь показала, что их точка зрения не справедлива: материал о научных школах и методах, достижениях учёных вызывает большой интерес. Как бы высоко оценили его современные журналы из списка «Скопус»? Можно сказать, что, оживляя прошлое, он смотрел в будущее науки. Очень важно сохранять сведения о тех, кто были первыми и формировали область науки! Это славные имена!

Очень важным оружием Николая Андреевича был юмор, острое и меткое слово. Но оно никогда не было направлено на студентов, которые ощущали профессора Н. А. Кондрашова как глыбу знаний.

Тепло вспоминается 75-летие Николая Андреевича, которому преподнесли разные подарки, даже, наверное, не вполне пригодные для публичного вручения, но он мягко и благодарно принял все эти знаки внимания и памяти. Этот юбилей был последним, на проведение которого он согласился, видимо, потому, что знал о своих заболеваниях. Николай Андреевич, ироничный к славе, принял это чествование: знал, что это нужно ученикам, молодым коллегам, искренним друзьям.

Марченкова Л. А.

*Московский государственный
областной университет*

*141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

ЧЕЛОВЕК С ДОСТОИНСТВОМ

После окончания МОПИ имени Н. К. Крупской я работала старшим библиотекарем в научном зале № 3 Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. В 1974 г. на выдаче книг меня увидела Л. П. Рупосова и, узнав свою бывшую студентку, пригласила в мой родной институт работать на кафедре русского языка, которой в то время заведовал профессор Н. А. Кондрашов. Встретил он меня хорошо – ему как раз нужна была лаборантка.

– Я тебе что поставил по общему языкознанию? – спросил он меня.

– «Отлично!» – бодро отрапортовала недавняя выпускница.

– Вот и работай так же, – пожелал он.

Л. П. Рупосова всегда «охраняла» Кондрашова и находилась «при нём». Я старалась, тем более Лидия Петровна мне часто помогала советами, чтобы не подвести Николая Андреевича, который был и её учителем (до МОПИ он преподавал в МГУ, а Л. П. Рупосова училась там у него).

Когда у нас он читал курс общего языкознания [11; 12], мы сразу поняли, что профессор Кондрашов – талантливый учёный, вдохновленный лектор, и слушали его лекции, затаив дыхание. Он любил рассказывать на занятиях о вкладе в науку о языке академика В. В. Виноградова и других лингвистов. Мы чувствовали, что перед нами, как говорится, птица высокого полёта, ведь его учителями были легендарные слависты Д. Н. Ушаков, А. М. Селищев.

Помню Николая Андреевича строгим, дисциплинированным и требовательным как к себе, так и к другим. Он не любил опозданий на работу и сам никогда не задерживался.

Я выполняла все его поручения: печатала отчёты о разнообразной работе кафедры,

¹ Также см.: Архив Московского государственного областного университета.

которые он писал, привозила сборники со статьями из типографии в Монино и др. Если нужно было что-то срочно предоставить в учебную часть или научный отдел, заведующий кафедрой приезжал и в неприёмный день, даже если ему нездоровилось, писал, что требовали, а я перепечатывала.

Николай Андреевич заботливо относился к нам, молодым. Мне он сразу дал работу на заочном отделении (практикум по русскому языку), чтобы я набиралась педагогического опыта (так у меня начался вузовский педстаж), а также прикрепил к кафедре для сдачи кандидатского минимума.

Мне повезло, что Н. А. Кондрашов взял меня в очную аспирантуру и дал очень интересную тему по изучению истории географической терминологии в русском языке XVII–XIX вв. [23].

К аспирантам он относился приветливо, приносил из дома книги, советовал, что изучать, прививал навыки критического и логического мышления. Так я впервые ознакомилась с трудами В. Н. Татищева, одного из любимых лингвистов Николая Андреевича,

а потом и И. И. Срезневского, которого мой научный руководитель очень почитал (см. подробнее: [26]). Для работы над кандидатской диссертацией я, по совету научного руководителя, должна была знакомиться и с архивными материалами, в частности, изучала атласы различных губерний России в ЦГВИА (ныне Российский государственный военно-исторический архив. – *Прим. ред.*). А когда наступило время защиты, в 1987 году, Николай Андреевич подыскал мне хороших оппонентов. Помню, что ездила в Институт русского языка к одному из них – доктору филологических наук Г. А. Богатовой. Там впервые увидела О. Н. Трубачёва, с которым Н. А. Кондрашов поддерживал дружеские отношения.

Энциклопедические знания Николая Андреевича обогащали не только окружающих его, но сказывались и на его речи: он часто использовал русскую фразеологию, сравнения, метафоры, был находчив, учил и нас, молодёжь, за словом в карман не лезть, употреблять не иностранные слова, а равноценные им русские, говорил, что наш язык – богатый, выразительный.

Н. А. Кондрашов многое повидал на своём веку, знал цену каждому человеку, мог предупредить, как и с кем нужно общаться, ценил искренность в людях и прямоту. Он был талантливым учёным, педагогом, лектором, руководителем, хорошим семьянином. Ему хотелось подражать, у него хотелось учиться. Он был человек с достоинством!

Молчанова О. В.

ГБОУ города Москвы «Школа № 1564 имени
Героя Советского Союза А. П. Белобородова»
125222, г. Москва, ул. Рословка, д. 8,
Российская Федерация

Обложка книги Н. А. Кондрашова
«Лингвистическое и методическое наследие
И. И. Срезневского» (Москва, 1979)

ОБРАЗЕЦ ТРУДОЛЮБИЯ

Далеко позади счастливое время студенчества. За плечами 41 год учительства. Мы окончили МОПИ в 1978-м. Время летит – иногда хочется заглянуть в прошлое... Когда же вспоминаешь своих учителей, вузовских преподавателей, то понимаешь,

что во многом именно благодаря им мы и состоялись в своей профессии.

Николай Андреевич – один из этих Учителей. Всем своим обликом скромного, интеллигентного человека, преданного делу учёного он вызывал уважение и, как я сейчас понимаю, был образцом необыкновенного трудолюбия и Служения избранному делу...

Мурашов А. А.

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы
230023, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22,
Республика Беларусь*

ЧЕЛОВЕК ИСПОЛИНСКОЙ ДУШИ

1983-й. Борьба за дисциплину. Время героических апофеозов и незыблемых пьедесталов. Время, когда любое отступление от установленных норм считалось чем-то вроде несмываемого греха. Николай Андреевич читает лекцию по общему языкознанию. Как-то получилось, что одним из слов, приведённых в качестве примера, оказалась «армия». «Что делает армия? – философски задался вопросом Николай Андреевич. – В мирное время – ест. А что ей ещё делать? Тем более у нас была борьба за мир... Ещё не то, что сейчас, не война за мир...». Все сидели, затаив дыхание. Нет, он не был пацифистом. Он был честным человеком. И все знали: при своей резкости, бескомпромиссности, иногда даже вздорности Кондрашов всегда был и будет воплощением честности.

А его рассказы про лингвистов!.. О том, что «эсперантисты зашевелились», или о Виноградове, которого ночью увезли в Кремль, где спросили..., как произошёл русский язык (готовилась статья Сталина о марксизме и вопросах языкознания)!

До сих пор, читая лингвистические курсы, вспоминаю истории, в своё время рассказанные Кондрашовым: студенты нынешнего поколения, готовые забить на культуру речи и нетерпеливо ожидающие, когда им дадут наконец наобщаться с мо-

бильниками, вдруг оживают и как завожженные слушают монолог, украшенный кондрашовскими перлами.

Ещё на первом курсе, в 1980 г., К. А. Войлова, одна из учениц Николая Андреевича, как-то чересчур быстро осознавшая, что я за свои десять школьных лет так и не научился делать орфографические ошибки, тоном заговорщика предложила: «Хотите, я познакомлю вас с человеком-легендой?» Так я узнал Николая Андреевича. И стал писать про перформативы – под его руководством. Правда, с самонадеянностью недавнего школяра я нарёк их «глаголами речевого действия». А когда изменил лингвистике – принял писать о категории «невыразимого» под руководством несравненной Веры Николаевны Аношкиной¹, – Кондрашов мне этого не простил. То пустит шпильку про «слугу двух господ», что забавляло весь наш курс, то с колокольни стопроцентного лингвиста примется клеймить досужих эстетов, строящих всё на вкусовых понятиях и эмоциональных всплесках. При этом старался не смотреть на меня, но было понятно: его обида беспредельна. Даже введённое им в ту пору словечко «аношкинология» – её продолжение. Рискую показаться самонадеянным, но так было.

Николай Андреевич рассказывал о книгах, которые хранились у него на даче. «Где-где?» – спросил я, пытаюсь одолеть улыбку. Он, заметив, что пытаюсь её одолеть, объявил: «Белые Столбы – не то, что Вы подумали. Это место, где находится Госфильмофонд. А то, что заставило вас хихикнуть, – это Столбовая, далеко оттуда». После МОПИ я распределился по Павелецкому направлению. Каждый раз, когда мы с женой В. Н. Макаровой ехали мимо Белых Столбов, то я вспоминал: здесь дача Кондрашова. У неё Белые Столбы ассоциировались с аварией, которая там произошла в конце шестидесятых (Валерия Николаевна, ещё маленьким ребёнком, её

¹ Вера Николаевна Аношкина – доктор филологических наук, профессор, в те годы заведующий кафедрой русской литературы, специалист по творчеству поэтов Пушкинского времени.

видела), у меня – с теми книжками, о которых вдохновенно рассказывал мэтр. И, не начни я анализировать «невыразимое» в юношеской лирике Лермонтова, – читал бы то, что хранилось у Кондрашова на даче.

Это вообще был человек исполинской души, гигантской эрудиции и невероятной смелости. Но не терпел предательства – даже в малом. Короче, мой уход из лингвистики мне так и не спустил.

Похоже, наши студенты во многом копируют этого потрясающего человека. Вспоминаю Олега Никитина¹, тогда ещё юного преподавателя. Мы что-то развешивали на кафедре, я заметил: «Дураков здесь нет». «Так уж и нет? – было видно, как старательно Олег Викторович пытается не переиграть. – А Вы подойдите и посмотрите в зеркало». Может, мальчишеское фрондёрство. А может, та самая попытка копировать? Ведь Кондрашов мог отчитать «не в бровь, а в глаз», и это пугало и одновременно притягивало к нему, это подвигало студентов на то, чтобы подражать наставнику.

Начал я, второкурсник, работу про *usus loquendi* и *usus scribendi* в опубликованной тогда большим тиражом грамматике Барсова. «Барсов? – сощурился Кондрашов. – А почему бы и нет?». Но, когда я с тогдашней комсомольской прямолинейностью объявил, что хочу отыскать безусловное предпочтение традиций устной речи в концепции Барсова, – Кондрашов пришёл не в ярость, а скорее в состояние, о котором тогда говорили: «Абзац полный». Какая же это наука, если результат заранее известен? Как можно искать, когда уже нашёл – и не там, где ищешь?

Кондрашов – учёный. Большой. Честный. Объективный. Этой научной честности он учил студентов. И аспирантов... Они говорили о Николае Андреевиче почтительным шёпотом, как рассказывают о невероятном экспонате, увиденном в музее. Или о потрясающем учителе – боясь слишком громкого

упоминания «всуе» – вроде панибратского «С Пушкиным на дружеской ноге».

Осипова Е. П.

*Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина*

*390000, Рязанская область, г. Рязань, ул. Свободы,
д. 46, Российская Федерация*

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЛИЧНОСТИ

Не могу сказать, что знала Николая Андреевича Кондрашова очень хорошо. Лишь две-три встречи да несколько телефонных разговоров. Вот и, в общем-то, всё.

Планируя писать диссертацию по диалектологии, приехала прикрепляться соискателем именно к нему, а не к диалектологу А. Ф. Войтенко². Это был шаг абсолютно сознательный, поскольку была наслышана о её сложном характере. Н. А. Кондрашов назначил мне явиться на кафедру и привезти статью. К тому времени у меня уже вышла работа в сборнике Института лингвистических исследований РАН, посвящённом проблемам лингвистической географии [29]. Так я и приехала к нему. Николай Андреевич пригласил меня сесть, и тут вошла Л. П. Рупосова. Между ними состоялся интересный разговор, из которого мне стал ясен дружеский, неформальный характер отношений между этими людьми. Примечательно, что обращались они друг к другу по фамилии: да-да, именно так – Рупосова и Кондрашов.

Дальше мы беседовали, Николай Андреевич очень внимательно смотрел и слушал. Было видно, что новый человек вызывал в нём живой интерес. Рукопись моей статьи он пробежал глазами, попросил оставить и назначил следующую встречу. Вышла я с ощущением, что прикоснулась к личности очень значительной и неординарной, что людей он, видимо, оценивает не по внешнему впечатлению, а по работе и её ре-

¹ Олег Викторович Никитин – выпускник МОПИ-МПУ, а затем преподаватель МГОУ – доктор филологических наук, профессор, начинавший свой путь как историк языка [24; 25].

² Анастасия Филимоновна Войтенко (1929–2007) – доктор филологических наук, профессор МГОУ, специалист по русской диалектологии и лексикографии. В те годы – доцент кафедры истории русского языка и общего языкознания.

зультатам. Однако было и некоторое разочарование: он не сделал мне ни одного замечания. Может, просто присматривается?

Следующая встреча открыла мне Николая Андреевича с иной стороны. Когда я вошла на кафедру, он тут же указал мне на стул. Рядом с ним сидела аспирантка, очевидно, недостаточно хорошо выполнившая план работы. Профессор Кондрашов с суровостью и даже жёсткостью, как только он умел, учинил ей подлинный разнос. При этом Николай Андреевич, не постеснявшись меня, употребил крепкое словцо, которым обычно обозначают студентов и аспиранток, бог знает что устраивающих в общезнании. Я от ужаса вжалась в угол. Бурная тирада закончилась фразой: «Вот посмотрите, как сделала Елена Петровна, и сделайте так же». Он указал на мою статью, потом развернулся ко мне, его лицо немного расслабилось, и произнёс: «А у Вас всё в порядке. Будем работать». Я шла обратно к метро и думала, почему он назвал меня по имени-отчеству? Какая я ему Елена Петровна? Что хотел этим подчеркнуть?..

А вот поработать нам так и не довелось: соискателем к нему я прикрепилась, но Николая Андреевича вскоре не стало. Позже меня всё-таки передали А. Ф. Войтенко. Она раздражалась, что Кондрашов «переманил» к себе человека, который должен был прикрепляться к ней. А у меня ни тогда, ни позже духу не хватило признаться, что никто меня не переманивал, что я хотела именно его в качестве научного руководителя.

Рупосова Л. П.

Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ОН НИКОГДА НЕ ПРЕДАСТ

У Николая Андреевича при всём его крестьянском происхождении был особенный дар к слову. Он обладал тонким языковым чутьём и великолепной памятью.

Если внимательно читать его работы, то можно увидеть и другую черту этого учёного: глубокое видение проблемы. Он не просто читал, а прозревал «мелочи» и всегда отстаивал свою позицию. Это хорошо заметно в его кандидатской диссертации [9], в которой Николай Андреевич доказывал позицию самостоятельности словацкого языка. Он видел, что чешский и словацкий – разные языки. Кстати, упомяну ещё один уникальный факт: его работы по словакистике отметили знаменитый датский лингвист Л. Ельмслев¹. Кроме того, Н. А. Кондрашов переводил и редактировал словацкую художественную литературу – он хотел пропагандировать этот язык.

Помню в связи с этим один забавный эпизод, который рассказывал Николай Андреевич: на кафедру славянских языков МГУ пришло письмо... от моряка из Мурманска. Он обиделся на выражение «тощая, как треска», которое прочитал в книге «Словацкие повести и рассказы» (1953). А *треска* (по-словацки *treska*) имела в этом языке совсем другое значение: «щепка». Вот такие случаи были...

Третья черта Николая Андреевича заключается в том, что он был невероятно начитанным филологом. Мы только поступили на первый курс отделения славистики МГУ. Он преподавал нам введение в славянскую филологию и заставлял много читать и собирать свою библиотеку. Н. А. Кондрашов говорил нам: «Год проучились – пора читать на других языках». Николай Андреевич очень почитал классиков: А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, О. М. Бодянского, И. И. Срезневского и других (см. подробнее: [26]).

У нас интересно проходили диалектологические экспедиции. В 1962 г. мы ездили с Николаем Андреевичем в Закарпатье. Всего было нас восемь студентов-словакистов и четверо сербов. Принимал нас Ужгородский университет. А жили мы в деревне недалеко от границы: Н. А. Кондрашов с мальчиками в одном

¹ Луи Ельмслев (1899–1965) – датский лингвист, автор оригинальной структуралистской теории языка – глоссемантики.

доме, а мы – в другом. Помню, записывали речь местных жителей, речку Мукачево... Очень красивые места! В какой-то из дней он поехал с ребятами на разведку к границе со Словакией в деревню, а потом нас туда повёз и сказал: «Не говорите, что едем на границу». Мы шли прямо вдоль разделительной полосы. Потом вернулись обратно в деревню. А на следующий день приехал пограничник на лошади. Говорит:

– Покажите Ваши каблуки!

Они искали какого-то преступника... У нас всё обошлось.

Четвёртая черта – требовательность. Перед каждым экзаменом он давал нам огромный список литературы на многих языках. Мы самостоятельно готовились. А он спрашивал, хотя билеты тоже были.

Пятая черта – честность и, как бы мы сейчас сказали, креативность мышления. Он предлагал своим ученикам очень интересные и неизбитые темы исследований (ср.: [1; 20; 32; 35] и др.). Никогда не стоял на месте. Николай Андреевич считал, что славист должен знать языки, и вёл в МОПИ занятия по польскому и чешскому.

Конечно, отмечу его потрясающий юмор. Он мог молодым девкам сказать: «Выпейте по-старушечьи» – в этом весь Кондрашов! Он был кусачий – прямо говорил о человеке.

На факультете поддерживал отношения с В. Н. Богословским и В. С. Совалиным.

Ещё одна редкая черта Николая Андреевича как человека и учёного такого: он был очень надёжным во всём. Если у меня случалось какое-то несчастье или надо с кем-то посоветоваться, ему всегда можно было довериться. Он никогда не предаст.

Третьякова В. С.

*Российский государственный профессионально-педагогический университет
620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей,
д. 11, Российская Федерация*

ЖИВОТВОРЯЩИЙ СПУТНИК

Об этом человеке, с которым судьба подарила мне счастье работать, надо бы

писать роман, а не короткие воспоминания. Но вначале невольно испытываешь чувство растерянности: с чего начать рассказ об этом удивительном человеке? Воспоминания налетают, наплывают, кружатся в вальсе прожитого времени. И разлетаются, не в силах сохранить целое, главное. Слишком безграничная личность Николая Андреевича Кондрашова.

Это был конец 1980-х. Мне повезло. Судьбе было угодно нас соединить, хотя препятствия для того были. Я уже не раз приезжала в Москву, встречалась с Николаем Андреевичем, консультировалась у него по теме кандидатской диссертации, а при поступлении в аспирантуру меня определили к другому руководителю и вместо очного на заочное обучение. Меня это совершенно не устраивало. И вот тут на помощь пришла семья Войловых: Клавдия Анатольевна и Владимир Иванович. Удивительно, как порой бывают тесно переплетены события, люди, встречи... К. А. Войлова тоже аспирантка Николая Андреевича. А до этого работала в Свердловском педагогическом институте в то самое время, когда я там училась. Молодой преподаватель, она вела в моей группе старославянский язык и диалектологию и, главное, была куратором нашей группы. После окончания института мне предложили остаться на кафедре, и Клавдия Анатольевна продолжала меня курировать, даже тогда, когда она уехала с мужем в Москву. Именно они хлопотали в Министерстве о дополнительном месте для меня в очную аспирантуру. И вот я стала аспиранткой московского вуза. Началось моё научное становление и взросление.

Тема моего научного исследования была связана с ономапеей [35]. Требовался сопоставительный материал различных славянских и неславянских языков. Сама я языки не очень-то знала. А Николай Андреевич, как известно, владел более чем двадцатью языками: французским, немецким, чешским, польским, болгарским, сербским, словенским, македонским и многими другими. И вот на одну из кон-

сультаций он приносит мне несколько десятков страниц, исписанных его красивым уборым почерком. Это были звукоподражательные корни из разных языков. «Сравнивай!» – сказал он мне. Радости моей не было предела. Оказывается, он пошёл в Ленинку, просидел там два дня и сделал заготовки для моей дальнейшей работы. Ну что тут скажешь? Какой ещё руководитель на такое способен?

Николай Андреевич реально помогал своим аспирантам. Так, когда я поняла, что без статьи С. Карцевского [38] не смогу разрешить одну проблему, он сделал её перевод с французского. Образованнейший человек, интеллигент, пропагандист Пражского лингвистического кружка, он был знаком со многими великими лингвистами. Несмотря на то что эта школа к тому времени распалась, он стремился донести до нас, молодых, идеи пражцев, их правильное понимание функционирования языка. О какой бы лингвистической проблеме мы ни рассуждали, он всегда мог процитировать кого-нибудь из них:

– Почитай Гавранек¹, у него на этот счёт есть свои доводы.

Или так:

– А Трубецкой² считает...

А часто с иронией:

– Ты с ума сошла: Скаличка³ она не читала!

Достаёт с полки сборник статей Пражского лингвистического кружка [31], составителем и редактором которого является он сам:

– Почитай. А вот с Карпухиным⁴ поспорь.

¹ Богуслав Гавранек (1893–1978) – чешский славист, один из основателей Пражского лингвистического кружка, специалист по палеославистике и богемистике.

² Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) – русский лингвист, историк, философ-евразиец, публицист, теоретик структурализма, один из идейных лидеров Пражского лингвистического кружка.

³ Владимир Скаличка (1909–1991) – чешский лингвист, участник Пражского лингвистического кружка, занимался проблемами теории языка и лингвистической типологии.

⁴ Сергей Александрович Карпухин – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации Самарского нацио-

И т. д., и т. п.

Его лингвистическому вкусу и оценкам я доверяла абсолютно. Помню, как он меня в беседе вдруг неожиданно спросил:

– А кто первый употребил термин «ономатопея»?

Я растерялась и тихо (стыдно же!) ответила:

– Не знаю.

– Так узнай! – приказал он, глядя куда-то в сторону (явно сердился).

И я нашла, долго сидела в Ленинке, но докопалась и посвятила результату этого поиска параграф в диссертации. Как мне удалось выяснить тогда, изобретателем ономатопеического принципа в языке является Платон, который, как известно, был сторонником теории естественного происхождения языка. Он писал: «Имя есть выполнение, осуществление идеи названия в звуке» (см.: [30, с. 471]), и считал, что первые человеческие слова есть не что иное, как подражание голосом называемой вещи). Николай Андреевич меня похвалил, сказал, что до меня этого никто не делал. Н. А. Кондрашов предлагал мне быть смелее в своих изысканиях и поспорить даже с самим академиком Фортунатовым⁵.

При том что Николай Андреевич был замечательный учёный, прекрасный руководитель, человек широчайшего кругозора, он был ещё знаток человеческих душ, Человек с большой буквы. Зная, что у меня в Екатеринбурге (тогда Свердловске) остался маленький сын, он никогда не препятствовал моим поездкам в родной город. Говорил только:

– Материал наработала – езжай. Оставь почитать, что написала.

нального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва. Имеется в виду его кандидатская диссертация о звукоподражательных словах в русском языке» [6].

⁵ Филипп Фёдорович Фортунатов (1848–1914) – выдающийся русский лингвист-компаративист, основоположник Московской лингвистической школы. Имеется в виду его мысль о том, что «слова звукоподражательные (и притом именно действительно звукоподражательные по происхождению, а не те, которые могут казаться нам такими) составляют лишь незначительное меньшинство в языке и не играют в нём видной роли» [36, с. 247].

Но совершенно поразил меня один случай. Мы ехали с ним из корпуса на Бауманской в главное здание на улицу Радио на трамвае. В вагон зашёл нищий и пошёл просить милостыню у пассажиров. Вид у него был неприглядный. Когда он подошёл к нам, Николай Андреевич достал из кармана железный рубль и подал просящему. Тот поблагодарил и пошёл дальше. А я, удивлённая такой щедростью (булка хлеба тогда стоила 18 копеек), с интересом и некоторым осуждением спросила:

– Зачем Вы дали ему деньги, ведь он их пропьёт?

На что Николай Андреевич сказал:

– Если жизнь заставила человека просить милостыню, значит, нелёгкая она у него. Пусть хоть выпьет. Я всегда ношу с собой железные рубли, чтобы подать таким, как он.

Его ответ заставил меня пересмотреть своё отношение к людям.

А его мудрые житейские советы! Я всегда с доверием к ним относилась и по возможности следовала им. А его всегда точные оценки людей и событий!

И вот столетний юбилей. Его нет с нами, но как чистый родник в недрах земли, который вечно творит свою песню, так под спудом лет живёт в душе моей благодарное чувство, зародившееся в те далёкие 80-е годы.

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
А с благодарностью: были. (В. А. Жуковский).*

Халикова Н. В.

Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация

НАШ «ДЕД ЗУБАТЫЙ» – НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ КОНДРАШОВ

В 1986–1991 гг., обучаясь на литфаке МОПИ, мы страшно гордились тем, что ходим по одним коридорам с теми известными учёными, имена которых называли

нам в аудиториях, и чьи статьи печатали в любимых тогда нами журналах «Русский язык в школе» и «Филологические науки», и книги которых стояли за стеклом наших книжных полок.

Встречу с Николаем Андреевичем Кондрашовым на 5 курсе мы ждали с трепетом, только изредка видели мы его, неторопливо идущего на учёный или диссертационный совет по коридору четвёртого этажа. Никогда он не был предметом досужих разговоров наших преподавателей или студентов. Он относился к профессорам-небожителям, до которых ещё надо было дорасти, или, как говорила Майя Фёдоровна Тузова, тройку у которых ещё «надо было заслужить». Рассказывали, что он строгий, за словом в карман не полезет, может и прикрикнуть, если что не так. С другой стороны, он – известный учёный, мы уже держали у себя дома книги под его редакцией, учились по ним, сдавали экзамены. Только-только вышла его «Историческая грамматика русского языка» [15], в факультетской библиотеке лежала на полках «История лингвистических учений» [13], на первом курсе нам рекомендовали «Сборник упражнений по введению в языкознание» [18] (правда, А. Ф. Дружинина гораздо чаще давала свои материалы, чем эти упражнения).

Но самое первое впечатление от имени «Н. А. Кондрашов» у меня связано с тем днём, когда в десятом классе, определившись наконец с выбором профессии, я отправилась в магазины «Педагогическая книга» в Камергерском переулке и «Букинист» в Столешниковом за литературой к поступлению. Выбор учебников для абитуриентов-филологов был ошеломителен: десятки пособий и справочников, отдельно по каждому разделу языка и литературы, сопоставительных и сводных, солидных монографий и словарей. Я растерялась: тут не за год, а и за пять лет не перечитать. Что делать? Прежде всего внимание стали привлекать небольшие по объёму книжки, охватывающие всю школьную программу, с простым, убедительным стилем изложения. Помнится, я

провела тогда в магазинах едва ли не весь день, мучая терпеливых продавцов, стопками приносивших мне книги с полок. В результате «улов» оказался прост, но именно эти книги надолго отпечатались в памяти. Это были «Стилистика современного русского языка» под ред. А. Н. Гвоздева [2], неизменный спутник учащихся всех времён «Справочник по пунктуации» Д. Э. Розенталя (1984), ещё какие-то вузовские учебники и среди них – «Основные вопросы русского языка» [14] Николая Андреевича Кондрашова. Последнее пособие в мягкой обложке содержало все основные аспекты программы, при этом несколько не раздражало своей краткостью. Наоборот, лаконизм каждого тезиса позволял выстроить по кирпичику ясное цельное представление об устройстве всего языка как единой системы в своём историческом развитии. Кроме того, чёткость изложения вселяла уверенность в своих силах. Эта книгу я в шутку долгое время называла для себя «сундучишком», который, по Ершову, «мал хоть на вид», но зато в нём был ответ практически на любые вопросы по языкознанию, возникшие у тогдашнего ученика. Правда, сказать честно, школьники редко обращают внимание на фамилии авторов своих учебников, поэтому имя Николая Андреевича стало ассоциироваться у меня с большим языкознанием только в вузе, уже на старших курсах.

Поэтому я и не догадывалась, что автор привычного пособия имеет какое-то отношение к МОПИ, когда в июле 1986 г. пришла сдавать экзамены на улицу Радио. Экзамен по русскому языку и литературе проходил в нынешней 23-й аудитории на физмате, принимали его Евгений Николаевич Колокольцев и Нина Григорьевна Гольцова. Говорила я очень уверенно, но по поводу какого-то суффикса существительного Нина Григорьевна, глядевшая на меня как-то слегка иронично, вдруг спросила:

– И откуда же, скажите на милость, Вы знаете, что этот суффикс употребляется в болгарском и чешском языке с другим значением? Вы изучали эти языки?

– Нет, это я у Кондрашова прочитала, в «Основных вопросах...» [14]. Есть такая книга для учителей русского языка, – от всей души просветила я будущего проректора.

Она рассмеялась, дальше она меня не спрашивала, а сразу вышла куда-то. И я перешла к ответу по литературе. Билет был по Некрасову, я его самого знала слабо, зато бойко пересказала главу из очередной «книги для учителя». Е. Н. Колокольцев вздохнул и спросил, где же я это прочитала... Позже оказалось, что именно эту главу (или книгу) о поэме Некрасова написал его отец, литературовед Н. В. Колокольцев. Но и это, конечно, выяснилось не в тот день, а гораздо, гораздо позже. Вот так неисповедимы пути наших встреч...

С Николаем Андреевичем все старались здороваться весьма почтительно: и солидные преподаватели, и легкомысленные девичьи стайки студенток, на которых он совершенно не обращал никакого внимания, сурово сдвинув брови и губы, иногда и бесцеремонно отодвигая рукой зазевавшуюся деваху, когда шёл по лестнице или по коридору.

Помню, как его остановила около 33-й аудитории Анна Фёдоровна Дружинина. Мне, студентке, показался забавным их неторопливый, чинный диалог, с соблюдением политеса, с поклонами и приветствиями:

– Как поживаете, Николай Андреевич?

– Благодарю, Анна Фёдоровна! Я читаю сегодня третью пару, пусть Ваша знакомая приходит ко мне в 34-ю аудиторию.

– Я тоже читаю две пары сегодня. Обсудим, обсудим. Сердечно благодарю Вас, Николай Андреевич!

Молодые преподаватели наши уже так не общались: и темп речи был другой, и говорили «у меня две пары», «у нас четвертая пара», как и мы, студенты. А в этих солидных формулировках «я читаю» и «сердечно благодарю» было что-то от архаической научной классики другого поколения, иной ответственности за своё дело, иных чувств.

Внешне Н. А. был всегда очень строг и суров. Так, например, он всегда делал замечания тем, кто стоял у дверей кафедр

ры, ожидая преподавателей, чтобы сдать «хвосты» или получить консультацию по курсовой работе у своего научного руководителя. Как и профессор Владимир Николаевич Богословский, он резко говорил:

– Марш в аудиторию! Там ваши преподаватели!

Увидев студента или студентку, небрежно загородившую проход в наш «предбанник» у трёх кафедр, мог и рявкнуть:

– Марш отсюда, дура! (На что, конечно, нежные девушки время от времени сильно обижались, но зато научались раз и навсегда уступать дорогу старшим профессорам и не мешать работать кафедрам).

Н. А. пришёл к нам читать общее языкознание в 1991-ом году. От студентов предшествующих курсов мы узнали, что «дед» хоть и строг внешне, но весь в своей науке, экзамены принимает обычно кто-то из его аспирантов, можно отчитаться рефератом и конспектами, главное, с ним не поссориться. Из семидесяти студентов нашего курса треть уже работала в школе и еле успевала на практические занятия, ещё треть считала себя «литераторами», которым «русский язык особо не нужен», а другие уже знали, что красный диплом им и не светит, а значит, можно и не напрягаться. Таким образом, на лекции Н. А. ходили очень немногие, не больше десяти человек.

Возможно, как и один из его любимых учёных И. А. Бодуэн де Куртенэ, он считал экзамены «бесцельной, бессмысленной отупляющей и вообще вредной работой» [8, с. 106], ведь у него было столько планов публикаций, аспирантских рукописей, его стол на кафедре всегда был завален бумагами, а здоровье уже не позволяло тратить время впустую. Зато в аудитории он щедро, с лихвой делился своими воспоминаниями об уходящей великой эпохе. Да и сам Н. А. часто говорил:

– Это вы в учебнике [11; 12] прочитаете, я там всё написал, – и переходил к воспоминаниям о съездах славистов, увлекался характеристикой какого-нибудь профессора Травничека или Гавранека.

Занятия проходили, в основном, в нынешней 408-й (тогда ещё без компьютеров, разумеется) или в 405-й аудиториях. Николай Андреевич уже тяжело ходил, обычно он всю пару сидел за столом, но иногда поднимался, чтобы написать на доске фамилию какого-нибудь зарубежника, чешского или немецкого учёного, позволяя нам посмеяться над «весёлыми» фамилиями и даже отчасти подзадоривал к этому.

Вот тут-то мы и получили возможность хорошо его рассмотреть и поближе познакомиться. Невысокого роста, крепкий, коренастый сильный человек, всегда в хорошо вычищенном костюме, с волевым лицом, с седыми бровями и упрямо сжатыми губами, пронизательным взглядом. Он неторопливо говорил, рассказывая об истории лингвистики так, точно это была его родина, учёные – его личными знакомыми и родственниками, о которых он и не собирался ничего от нас утаивать. Он любил пошутить и довести своими историями студентов до гомерического хохота под столом, сам при этом улыбаясь только глазами. Не раз мы слышали от него анекдоты из жизни чешских учёных, особенно почему-то доставалось профессору Зубатому¹, о семейной и научной жизни которого Н. А. хорошо знал. Периодически мы в узком кругу стали звать Н. А. «дед Зубатый» за его склонность к весёлым шуткам при комментировании основных законов языка.

Языкознание древних времён мы почему-то проскочили быстро. Н. А. дал необходимую литературу и темы рефератов и больше к древностям не возвращался. Спокойно рассказал и о русских классиках, наиболее подробно и уважительно – об И. А. Бодуэне де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатове, Н. С. Трубецком. Его истинной страстью был советский период науки и Пражская лингвистическая школа

¹ Йозеф Зубатый (1855–1931) – чешский индолог и славист, президент Чешской академии наук, литературы и искусства, стоял у основания Пражской лингвистической школы. В области богемистики подробно занимался исторической грамматикой и этимологией.

(см.: [31]). Именно эти две темы и остались у меня в памяти как самые важные. О чём бы он ни говорил, он возвращался к периоду, предшествовавшему лингвистической дискуссии в СССР и времени после неё, и современной полемике вокруг структурной лингвистики.

К моему глубочайшему сожалению, я уже не могу вспомнить, что и как именно комментировал Н. А. Он подробно и долго рассказывал о Марре и марризме, но без особых эмоций, о профессорах Чегоданове, Мещанинове. За житейскими коллизиями просвечивал трагизм ситуации. Запомнился его весёлый рассказ о перепуганном профессоре Чикобаве, который, срочно вызванный телеграммой из дома, в контролируемом госбезопасностью номере московской гостиницы зарабатывал, сам не зная для чего, записку о русском языке, которая стала основой исторического выступления 1950-го года. Кондрашов рассказывал обо всём так легко и непринуждённо, упоминая о стольких комических коллизиях, что до меня тогда так и не дошло, что на молодость и

зрелость наших стариков выпал один из самых тяжёлых периодов – годы войны, разгрома научных школ, политических репрессий.

Кондрашов говорил только о фактах, давая нам возможность самим делать выводы, но мы были слишком легкомысленны и юны, мы действительно не понимали, как история ПЛК, и биография конкретного Р. О. Якобсона, и ввод в 1968 г. наших войск в Прагу могли быть взаимосвязаны. Мы не понимали, что испытывали чешские последователи структурализма в послевоенные годы, что делалось с наукой после смерти В. В. Виноградова. Об этом Кондрашов не рассказывал прямо никогда, но множество его историй, начинавшихся с ... «вот был такой анекдотический случай в 19...-ом году», сейчас стали бы бесценными свидетельствами летописца славы лингвистики (ср.: [16; 17]).

В нём чувствовался характер бойца, сарказм умного человека, свою душевную боль он умело скрывал, и его рассказы об этом периоде никогда не были скучны. В такие минуты лицо Н. А. было совершенно другим: воодушевлённый, весёлый, он буквально молодел, становился по-мальчишески задорным. Его язвительность, страстность, подлинная уважительность к классикам искренне восхищала.

Он не диктовал лекции – «для ответа на госэкзамене» (как это сейчас, к сожалению, часто бывает), а учил оценке факта, человеческого поступка – со всей серьёзностью. Он называл десятки разных имён, книг, и только наша дурацкая беспечность заставляла нас думать, что «рассказы деда Зубатого» – седая и ненужная теперь древность, а всё великое и настоящее только начинается.

О себе он никогда не рассказывал. Мы даже не знали, что он преподавал раньше в МГУ, был автором книг по славянским языкам, входил в редколлегия журнала «Вопросы языкознания» в 1950-х годах (см.: [26]). Он не хвастался знакомством с известными учёными, своими учителями.

В сложные и переломные 1990-е он, лекция за лекцией, неторопливо и после-

Обложка книги Н. А. Кондрашова «Общее языкознание (курс лекций). Часть I. История языкознания» (Москва, 1972)

довательно создавал в наших беспечных головах образ великой русской филологии, где за каждым именем стоял титанический труд, истинное подвижничество, бескорыстная самоотдача, а иногда и подвиг.

Однажды одна из наших молодых преподавательниц кокетливо, в шутку сказала:

– У нас с вами такая замечательная профессия! Кто такой филолог? Человек, который читает интересные книжки и пересказывает их студентам! А ему за это ещё и деньги платят, представляете!

Но в сознании наших «дедов» подобный образ был бы невозможен даже в шутку. Могу себе представить, каким хлестким словом припечатал бы Н. А. такого «филолога»! Псевдо- и околonaучную деятельность Кондрашов искренне презирал.

Шаталова О. В.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, ул. Веры Волошиной,
д. 24, Российская Федерация*

НУ, ВАНЕЧКА ЖЕ БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ...

Я очень горжусь, что училась у Николая Андреевича Кондрашова. Наше знакомство с ним состоялось на лекциях по общему языкознанию. Уже тогда он показался мне необычным человеком: его побаивались даже преподаватели... Но нас он пленил своим энциклопедизмом, искренней любовью к истории науки и незабываемыми рассказами о непростых судьбах славистики. Лингвистика буквально оживала на глазах у всех, как только профессор Кондрашов начинал рассказывать о Якобсоне или о Трубецком... Особенно любил говорить о Пражском лингвистическом кружке. Тогда же он первым стал вести курс «Введение в славянскую филологию» и приглашал меня на лекции: «Приходи, вдруг и ты когда-то будешь читать его». Можно сказать, что Николай Андреевич зародил во мне интерес к славянским языкам, и его занятия чешским, спокойный уверенный голос, удивитель-

ный дар педагога-рассказчика просто влюбили меня в славистику и сделали её моим призванием. За это я очень ему благодарна.

Когда я перешла в заочную аспирантуру и стала работать на кафедре истории русского языка и общего языкознания нашего университета, старшие коллеги предусмотрительно говорили: «Вы общайтесь с ним пореже... Он может обзывать!». Николай Андреевич был действительно суров, не стеснялся выражений, не мог молчать, если кто-то ему не нравился. Правда, на мне его сарказм не отразился. Мне кажется, при всей откровенности он берёг меня, хотя и не раз прямо давал оценку своим коллегам. Мы тогда были слишком молоды и не понимали, почему он так говорил, но многие его характеристики оказались точными – он видел людей насквозь. Кстати, аспирантов он называл «эпически» примерно так: «Эта вот хроменькая, глупенькая, смешливая...».

После лекции Николай Андреевич живым голосом настоящего слависта мог произнести: «Ну, Ванечка же Бодуэн де Куртенэ...», как будто знал его лично, настолько были близки Н. А. Кондрашову легендарные учёные прошлого. Он и нас, студентов 1990-х, призывал учиться у классиков.

Человек с потрясающим чувством юмора, огромным житейским опытом и талантом педагога, он умер тоже в особенный день – 1 апреля 1995 года.

Вечная ему память!

Щербакова Н. Н.

*Омский государственный педагогический университет
644099, г. Омск, Набережная имени Тухачевского,
д. 14, Российская Федерация*

ЖИЗНЬ НЕ ОБОРВЁТСЯ, ЕСЛИ ЕСТЬ УЧИТЕЛЬ

Впервые мы встретились с Николаем Андреевичем осенью 1984 г., когда я собиралась поступать к нему в аспирантуру и приехала для предварительного разговора. Конечно, о том, насколько это колоритная

личность, я была наслышана и даже напугана этими рассказами. «Герои» историй, обычно веселясь, ведь речь-то шла не о них, упоминали о его остроумно-насмешливых характеристиках какого-нибудь оплошавшего аспиранта. Так, например, о ссылках в одной работе он сказал: «Они оформлены неряшливо, много неточностей. Пишет так же, как одевается». А ещё во время первой встречи он делал выводы о качестве обучения в том вузе, который окончил будущий аспирант. И очень не хотелось подвести своих преподавателей, тем более что они такого не заслуживали. Николай Андреевич мог буквально одним словом дать исчерпывающую характеристику и доценту, и профессору.

Помню, на вступительном экзамене одна девушка отвечала крайне неудачно. И он задал ей такой вопрос:

– Это в каком *институтике* Вас так научили?

Но на нашей первой встрече он был не столько насмешлив, сколько весел. Дал мне тему – о словах, заканчивающихся на *-ха* – ну и вот тут-то язвительные нотки и прозвучали: в подборе примеров он использовал существительное *дурёха*, как мне показалось, не случайно.

Спустя полгода, когда я была уже аспиранткой кафедры, он неожиданно предложил поменять тему. Помнится, что я отказалась со словами:

– Николай Андреевич, я понимаю, что во время нашей первой встречи Вы прочли на моей физиономии все признаки дегенератства и вырождения, потому и дали то, что Вам показалось попроще. Но я уже материал собрала и даже поняла, что с ним делать.

Он отреагировал так:

– Не надо перенимать у меня некоторые отрицательные черты. Например, злоязычие. Это нехорошо!

Каждая встреча с ним оборачивалась какими-то запоминающимися эпизодами. Однажды я приехала на консультацию, а к нему в это же время пришла потенциальная аспирантка. Чтобы не мешать их разговору, я вышла из кафедры, а через не-

которое время он открыл дверь и громко сказал мне:

– Наталья Николаевна, покажите этой даме, где находится ближайший дурдом.

Сразу нам обеим и выдал характеристику!

Ещё у него была страсть к обыгрыванию фамилий. Он время от времени сообщал о какой-либо аспирантке так:

– Ну вот эта, с водяной фамилией, с острой фамилией и проч.

Николай Андреевич считал, что в аспирантуру чаще всего идут люди незадачливые, например, девушки, у которых не удалась личная жизнь. И всеми этими мыслями щедро делился. Так что его аспиранты получали такую психологическую закалку, что уже ничему в жизни не удивлялись.

В помощи он, конечно, не отказывал, но чаще всего делал это в виде резкой критики. Я до сих пор храню введение к диссертации, исписанное насмешливыми комментариями типа «Лошади жуют овёс». Но там же был и дельный совет, выраженный в неподражаемом стиле моего руководителя: «Здесь просто просится обращение к теории об асимметричном характере лингвистического знака С. О. Карцевского, которая усилит теоретическую часть работы и осыплет автора лаврами».

Иногда Николай Андреевич мог и огоршить. Я как-то задала ему вопрос, на который он ответил откровенно:

– Что ты ко мне привязалась: я не специалист по словообразованию. Сама думай!

А накануне обсуждения диссертации вообще обрадовал:

– Я же оцениваю твою работу в целом, а ошибки и глупости пусть рецензент ищет.

И злорадным тоном добавил:

– А он у тебя их много найдёт!

Ободрил, что и говорить!

У Николая Андреевича, кстати, по этому поводу была своя концепция: аспиранта хвалить нельзя, иначе он может заболеть звёздной болезнью. Однако я была свидетелем и высказываний, которые шли вразрез с данной установкой. Например, о своей аспирантке Ларисе Кожановой на за-

седании кафедры он как-то сказал: «Лариса Михайловна имеет способности, и немалые».

Во время аспирантской практики мы принимали с ним экзамен у заочников по общему языкознанию. И надо ж такому случиться, что перед его началом прямо в аудиторию принесли из типографии пособие Н. А. Кондрашова к спецкурсу о лингвистических взглядах В. Н. Татищева¹. Ушлые заочники сразу же заинтересовались её ценой. Стоила брошюрка всего-то 25 копеек. И студенты, желая произвести на преподавателя хорошее впечатление, бросились покупать книжку и брать у автора автограф. Видно было, что эта ситуация ему не очень нравилась, но он быстро нашёл выход из положения. Раздавая автографы, профессор припомнил, что Ленин говорил: «Учитесь торговать!» Правда, экзамен был после этого проведён как обычно, без поблажек.

Иногда его шутки приводили в отчаяние. По окончании аспирантуры мне нужно было написать заявление об отчислении и сроке защиты диссертации. Его заверяли научный руководитель и заведующий кафедрой (П. А. Лекант). Поскольку Павел Александрович собирался в отпуск, аспиранты упросили его поставить подпись до визы научного руководителя. Николаю Андреевичу это не понравилось. Сначала он спрашивал, где он должен подписать: «до Леканта или после Леканта», а потом нарисовал «Очень рад!» и нехотя поставил росчерк! Свидетели этого поступка смеялись от души, но мне-то было совсем не до смеха! Пришлось всё писать заново и буквально отлавливать заведующего кафедрой.

Однако в ситуациях, когда у человека возникали реальные проблемы, Николай Андреевич всегда помогал, касалось ли это места в общежитии, предоставления академического отпуска по болезни, помощи в организации публикации или про-

цедуры защиты, – он всегда поддерживал и выручал искренне, не жалея времени и сил. К счастью, у меня таких ситуаций не возникало, но я видела, как он вёл себя в подобных случаях, и это вызывало огромное уважение.

А ещё Николай Андреевич был великолепным рассказчиком. Он знал лично многих выдающихся лингвистов, и в его изображении они представляли живыми людьми, со своими слабостями, которые могут в чём-то сомневаться или темпераментно спорить по проблемам языкознания. Например, Н. А. Кондрашов говорил, что В. В. Виноградов не мог спокойно реагировать на чистый лист бумаги и сразу же начинал на нём писать. Запомнился также рассказ моего учителя о подготовке в СССР к изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера². По словам Николая Андреевича, ему позвонила редактор издательства «Прогресс» М. А. Оборина и сказала:

– Тут в тексте такие слова есть, я даже не знаю, как с ними быть. Стоит ли их включать в издание?

Прекрасно понимая, что речь идёт о цензурной лексике, Николай Андреевич со своей неподражаемой интонацией задал вопрос:

– Какие слова?

– Я не могу их произнести!

– Ну вот, ты не можешь произнести, а как я могу ответить на твой вопрос?

В конце концов он посоветовал ей обратиться на кафедру русского языка МГУ, чтобы решение было научно обосновано. Дальнейшие события он описывал, по видимому, со слов Музы Александровны, но так, как будто присутствовал при этом сам. Первой выступила Е. М. Галкина-Федорук, которая сказала:

– Я сама старая матерщинница, но таким словам в печатном издании делать нечего!

¹ Имеется в виду книга: Кондрашов Н. А. Лингвистические взгляды В. Н. Татищева и язык его произведений: Спецкурс. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1985. 69 с.

² Русское издание «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера с дополнениями О. Н. Трубачёва вышло в 1964–1973 гг.

Затем вышел П. С. Кузнецов с горячей защитой этих слов, поскольку они связаны со сменой матриархата патриархатом.

Наконец, какой-то умный человек высказался так:

– Дело ведь не в словах, а в тираже! Одна ситуация, когда этот словарь попадает в руки специалистам, и совсем другая возникает тогда, когда любой школьник может его с полки взять.

В результате какие-то слова были изъяти, но и в том, что осталось, руководители издательства усмотрели грубейшее нарушение этики и даже хотели уволить редактора. М. А. Оборину спасла от ухода «по собственному желанию» выписка из того самого заседания кафедры.

Невозможно забыть и рассказ о чешском профессоре Б. Гавранке. Николай Андреевич говорил о том, что на заседании кафедры тот ставил вертикально на стол карандаш, потом мог заснуть, а падавший карандаш заставлял его проснуться. Однажды, во время командировки Н. А. Кондрашова в Чехословакию, на той же кафедре, где работал наш славист, выступал немецкий гость – известный диа-

лектолог (его имя, к сожалению, вспомнить сейчас не могу).

Николай Андреевич, кстати, обучал своих аспирантов чешскому языку и вообще считал, что славянину нужно знать славянские языки. Помнится, давал совет на занятиях по философии заниматься делом – учить языки. Поддерживая этот несерьёзный разговор, я тогда спросила:

– Так язык требует отработки произношения, я ж буду всем мешать.

Он парировал:

– Ну и что! Пусть думают, что ты заговариваешься.

Комично звучит, но это факт: вернувшись из аспирантуры в Омск, я обучала студентку филфака – чешку по национальности (в Омской области есть пара деревень, где проживают чехи) – читать и писать на родном языке. Так что справедливость слов Владимира Евплухина¹, вынесенных в заголовок, я чувствую постоянно. Всё, чему научил меня Николай Андреевич, живёт теперь и в моих учениках.

Статья поступила в редакцию 22.11.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введенский В. В. Лексика «Вестей-курантов» 1600–1639 гг.: (К истории лексико-семантических процессов у имени существительного в русском языке XVII в.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1978. 22 с.
2. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка: учеб. пособие / под ред. С. Г. Бархударова; 3-е изд. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
3. Голованевский А. Л. Общественно-политическая лексика и фразеология русского языка 1900–1917 годов (на материале большевистских листовок, печати и пролетарской поэзии): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 19 с.
4. Голованевский А. Л. Формирование идеологически-оценочной общественно-политической лексики в русском литературном языке XIX–начала XX века: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М.: МПУ, 1993. 31 с.
5. Инчина Л. Г. Особенности структуры словосочетаний в русском литературном языке второй половины XVIII–первой трети XIX веков: на материале управления глаголов речи и чувства: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1983. 245 с.
6. Карпухин С. А. Звукоподражательные слова в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т имени Н. Г. Чернышевского, 1979. 19 с.
7. Колесникова С. М. Градационные отношения в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МПУ, 1993. 20 с.
8. Комарова Р. А. Бодуэн де Куртене о подготовке лингвистов // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1991. № 2. С. 104–107.
9. Кондрашов Н. А. Категория личности и неличности в словацком языке: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1949. 262 с.

¹ См. его стихотворение «Слово об Учителе»: URL: <https://www.stihi.ru/2007/11/10/2074>

10. Кондрашов Н. А. Славянские языки. М.: Учпедгиз, 1956. 199 с., 2 л. карт.
11. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. I. История языкознания. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1972. 173 с.
12. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. II. Проблемы языкознания и методы изучения языка. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
13. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений. М.: Просвещение, 1979. 224 с.
14. Кондрашов Н. А. Основные вопросы русского языка: книга для учителя. М.: Просвещение, 1985. 128 с.
15. Кондрашов Н. А. Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Ч. 1. Древнерусский период. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1988. 68 с.
16. Кондрашов Н. А. Жизнь и труды Павла Иозефа Шафарика (к двухсотлетию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 1. С. 97–102.
17. Кондрашов Н. А. Вклад И. А. Бодуэна де Куртенэ в общее языкознание и славистику (К 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 96–99.
18. Кондрашов Н. А., Копосов Л. Ф., Рупосова Л. П. Сборник задач и упражнений по введению в языкознание: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1991. 175 с.
19. Кондрашов Н. А., Шарипова Д. Г. Работа над словом на уроках русского языка в башкирской школе: методическое пособие. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1991. 132 с.
20. Лаврентьева А. А. Язык А. Т. Болотова: лексика и синтаксис: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1981. 232 с.
21. Лингвистическое отечествоведение: коллективная монография. Т. 1 / под ред. В. И. Макарова. Елец: ЕГУ имени И. А. Бунина, 2001. 275 с.
22. Лингвистическое отечествоведение: коллективная монография. Т. 2 / под ред. В. И. Макарова. Елец: ЕГУ имени И. А. Бунина, 2001. 239 с.
23. Марченкова Л. А. Формирование терминологии физической географии в русском языке: XVII–XIX вв.: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1986. 238 с.
24. Никитин О. В. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников севернорусских монастырей XVIII века): дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2000. 455 с.
25. Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). Москва-Смоленск: СГПУ, 2001. 129 с.
26. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 5. С. 81–89.
27. Николай Андреевич Кондрашов [некролог] // Русский язык в школе. 1995. № 4. С. 114.
28. Обьедкова Л. К. Глагольные формы в памятниках деловой письменности XVII века: на материале документов Нижнего Посемья: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 164 с.
29. Осипова Е. П. Изучение лексики одежды в рязанских говорах // Проблемы русской лингвистической географии. СПб.: РГО, ИЛИ РАН, 1992. С. 93–97.
30. Платон. Сочинения в 3-х томах / под ред. В. Ф. Асмуса и А. Ф. Лосева. Т. 1. М.: Мысль, 1968. 621 с.
31. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / сост. и ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. 558 с.
32. Рупосова Л. П. Русско-словацкие языковые связи (на материале словацкого литературного языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1970. 18 с.
33. Сепир Э. Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М.: «Прогресс», 1985. С. 43–78.
34. Симонова Е. И. Философская терминология в произведениях В. Г. Белинского и А. И. Герцена: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1989. 212 с.
35. Третьякова В. С. Звукоподражательные глаголы в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1985. 219 с.
36. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 238–262.
37. Шахматов А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами русских племён, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.
38. Karcevsky S. Système du verbe russe: Essai de linguistique synchronique. Prague: Plamja, 1927. 167 p.
39. Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. T. 3. Ilość. Gradacja. Osoba / Polska Akademia Nauk, Instytut Słowianoznawstwa. Wrocław [etc.]: Ossolineum, 1989. 179 s.

REFERENCES

1. Vvedenskii V. V. *Leksika «Vestei-kurantov» 1600–1639 gg.: (K istorii leksiko-semanticheskikh protsessov u imeni sushchestvitel'nogo v russkom yazyke XVII v.): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The vocabulary of the “Vesti-chimes” 1600–1639: (On the history of lexical and semantic processes in the noun in the 17th century Russian language): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1978. 22 p.
2. Gvozdev A. N. *Ocherki po stilistike russkogo yazyka* [Essays on stylistics of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965. 408 p.
3. Golovanevskii A. L. *Obshchestvenno-politicheskaya leksika i frazeologiya russkogo yazyka 1900–1917 godov (na materiale bol'shevistskikh listovok, pechati i proletarskoi poezii): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Socio-political vocabulary and phraseology of the Russian language of 1900–1917 (based on Bolshevik leaflets, print and proletarian poetry): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1974. 19 p.
4. Golovanevskii A. L. *Formirovanie ideologicheskoi-otsennochnoi obshchestvenno-politicheskoi leksiki v russkom literaturnom yazyke XIX– nachala XX veka: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [The formation of ideological and evaluative socio-political vocabulary in the Russian literary language of the 19th – early 20th centuries: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Pedagogical University, 1993. 31 p.
5. Inchina L. G. *Osobennosti struktury slovosochetanii v russkom literaturnom yazyke vtoroi poloviny XVIII–pervoi treti XIX vekov: na materiale upravleniya glagolov rechi i chuvstva: diss. ... kand. filol. nauk* [Features of the structure of phrases in the Russian literary language of the second half of the 18th – first third of the 19th centuries: based on the management of verbs of speech and feeling: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1983. 245 p.
6. Karpukhin S. A. *Zvukopodrazhatel'nye slova v russkom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Onomatopoeic words in Russian: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Saratov, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, 1979. 19 p.
7. Kolesnikova S. M. *Gradatsionnye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Gradational relations in the modern Russian language: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Pedagogical University, 1993. 20 p.
8. Komarova R. A. [Baudouin de Courtenay about preparing linguists]. In: *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 1991, no. 2, pp. 104–107.
9. Kondrashov N. A. *Kategoriya lichnosti i nelichnosti v slovatskom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [The category of person and impersonal in the Slovak language: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 1949. 262 p.
10. Kondrashov N. A. *Slavyanskii yazyki* [The Slavic languages]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 199 p.
11. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektsii). Ch. I. Istoriya yazykoznaniiya* [General linguistics: (course of lectures). Part I. The History of linguistics]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute Publ., 1972. 173 p.
12. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektsii). Ch. II. Problemy yazykoznaniiya i metody izucheniya yazyka* [General linguistics: (course of lectures). Part II. Problems of linguistics and methods of language learning]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute Publ., 1974. 171 p.
13. Kondrashov N. A. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistic doctrines]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 224 p.
14. Kondrashov N. A. *Osnovnye voprosy russkogo yazyka: kniga dlya uchitelya* [The main issues of the Russian language: book for teachers]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. 128 p.
15. Kondrashov N. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Istoricheskaya leksikologiya. Ch. 1. Drevnerusskii period* [Historical grammar of the Russian language. Historical lexicology. Part 1. The Old Russian period]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute Publ., 1988. 68 p.
16. Kondrashov N. A. [Life and works of Pavel Joseph Shafarik (to the 200th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 1, pp. 97–102.
17. Kondrashov N. A. [Contribution of I. A. Baudouin de Courtenay to General Linguistics and Slavic Studies (On the 150th Birthday)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 3, pp. 96–99.
18. Kondrashov N. A., Koposov L. F., Ruposova L. P. *Sbornik zadach i uprazhnenii po vvedeniyu v yazykoznanie*

- [Collection of tasks and exercises for the introduction to linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. 175 p.
19. Kondrashov N. A., Sharipova D. G. *Rabota nad slovom na urokhakh russkogo yazyka v bashkirskoi shkole* [Work on word at the lessons of Russian language at the Bashkir school]. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1991. 132 p.
 20. Lavrent'eva A. A. *Yazyk A. T. Bolotova: leksika i sintaksis: diss. ... kand. filol. nauk* [A. Bolotov' language: vocabulary and syntax: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1981. 232 p.
 21. Makarov V. I., ed. *Lingvisticheskoe otechestvovedenie. T. 1* [Linguistic Russian Country Studies Vol. 1]. Yelets, Bunin Yelets State University Publ., 2001. 275 p.
 22. Makarov V. I., ed. *Lingvisticheskoe otechestvovedenie. T. 2* [Linguistic Russian Country Studies Vol. 2]. Yelets, Bunin Yelets State University Publ., 2001. 239 p.
 23. Marchenkova L. A. *Formirovanie terminologii fizicheskoi geografii v russkom yazyke: XVII–XIX vv.: diss. ... kand. filol. nauk* [Formation of the terminology of physical geography in the Russian language: 17th–19th centuries: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1986. 238 p.
 24. Nikitin O. V. *Russkaya delovaya pis'mennost' kak etnolingvisticheskii istochnik (na materiale pamyatnikov severnorusskikh monastyr'ei XVIII veka): diss. ... kand. filol. nauk* [Russian Business Writing as an Ethnolinguistic Source (Based on the Monuments of the North Russian Monasteries of the 18th Century): PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region State University, 2000. 455 p.
 25. Nikitin O. V. *Siiskie gramoty XVIII veka (1768–1789 gg.)* [The Siya's letters of the 18th century (1768–1789)]. Moscow, Smolensk, Smolensk State Pedagogical University Publ., 2001. 129 p.
 26. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
 27. [Nikolay Andreevich Kondrashov [obituary]]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 4, pp. 114.
 28. Ob'edkova L. K. *Glagol'nye formy v pamyatnikakh delovoi pis'mennosti XVII veka: na materiale dokumentov Nizhnego Posemya: diss. ... kand. filol. nauk* [Verb forms in the monuments of business writing of the 17th century: on the basis of documents of the Lower Posemye: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1974. 164 p.
 29. Osipova E. P. [Learning vocabulary of clothes in Ryazan dialects]. In: *Problemy russkoi lingvisticheskoi geografii* [Problems of the Russian linguistic geography]. St. Petersburg, Russian Geographical Society, Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1992. pp. 93–97.
 30. Platon. *Sochineniya v 3-kh tomakh. T. 1* [Works in 3 volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1968. 621 p.
 31. Kondrashov N. A., comp., ed. *Prazhskii lingvisticheskii krug* [The Prague linguistic circle]. Moscow, Progress Publ., 1967. 558 p.
 32. Ruposova L. P. *Russko-slovatskie yazykovye svyazi (na materiale slovatskogo literaturnogo yazyka): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Russian-Slovak language communication (based on the Slovak literary language): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1970. 18 p.
 33. Sapir E. [Graduation: Semantic Research]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vip. XVI: Lingvisticheskaya pragmatika* [New in foreign linguistics. Iss. XVI: Linguistic pragmatics]. Moscow, "Progress" Publ., 1985, pp. 43–78.
 34. Simonova E. I. *Filosofskaya terminologiya v proizvedeniyakh V. G. Belinskogo i A. I. Gertsena: diss. ... kand. filol. nauk* [Philosophical terminology in the works of V. Belinsky and A. Herzen: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1989. 212 p.
 35. Tret'yakova V. S. *Zvukopodrazhatel'nye glagoly v russkom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [Onomatopoeic verbs in Russian: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1985. 219 p.
 36. Fortunatov F. F. [Comparative linguistics]. In: *Zvegintsev V. A. Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Ch. 1* [History of linguistics of the 19–20th centuries in essays and extracts. Part 1]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. pp. 238–262.
 37. Shakhmatov A. A. [On the state tasks of the Russian people in connection with the national tasks of the tribes inhabiting Russia]. In: *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [Moscow Journal. History of Russian Government], 1999, no. 9, pp. 21–28.

38. Karcevsky S. *Système du verbe russe: Essai de linguistique synchronique*. Prague, Plamja Publ., 1927. 167 p.
39. *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie*. T. 3. Ilość. Gradacja. Osoba / Polska Akademia Nauk, Instytut Słowianoznawstwa. Wrocław [etc.], Ossolineum Publ., 1989. 179 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;
e-mail: beglova-elena@yandex.ru

Боброва Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, редактор журналов «Русский язык в школе» и «Русский язык в школе и дома»;
e-mail: bobrova2003@mail.ru

Введенский Виктор Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета;
e-mail: dmitrystarykh96@gmail.com

Воителева Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: voitelev@yandex.ru

Голованевский Аркадий Леонидович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского;
e-mail: golovanevski@mail.ru

Гордеева Ольга Николаевна – учитель русского языка и литературы высшей категории ГБОУ города Москвы «Школа № 2115»;
e-mail: gordeeva523@yandex.ru

Градинарова Алла Анатольевна – доктор филологии (PhD), профессор кафедры русского языка Софийского университета имени св. Климента Охридского;
e-mail: agradinarova@slav.uni-sofia.bg; algra@abv.bg

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;
e-mail: djanumovsa@mail.ru

Добродомов Игорь Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;
e-mail: ig.dobrodomov@mpgu.ru; adob00@mail.ru

Ермакова Нина Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка им. П. А. Леканта Московского государственного областного университета;
e-mail: n.e.12135@yandex.ru

Инчина Любовь Герасимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Башкирского государственного университета (Стерлитамакский филиал);
e-mail: j.golova@yandex.ru

Колесникова Светлана Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Московского педагогического государственного университета;
e-mail: asya28@list.ru

Кунарёв Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета; педагог-фрилансер; отличник просвещения СССР;
e-mail: angy7@yandex.ru

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка им. П. А. Леканта Московского государственного областного университета;
e-mail: ledenevavv@yandex.ru

Марченкова Людмила Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;

e-mail: 4promo@e1.ru

Молчанова Ольга Владимировна – учитель русского языка и литературы высшей категории ГБОУ города Москвы «Школа № 1564 имени Героя Советского Союза А. П. Белобородова», почётный работник образования Российской Федерации;

e-mail: molchanowa@yandex.ru

Мурашов Александр Александрович – кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы;

e-mail: murashov_aa@grsu.by

Осипова Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, директор Института непрерывного образования Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина;

e-mail: elenaosipova.mail@gmail.com

Рупосова Лидия Петровна – кандидат филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета;

e-mail: ruposova-lidiy@yandex.ru

Третьякова Вера Степановна – доктор филологических наук, профессор кафедры социальной педагогики и психологии Российского государственного профессионально-педагогического университета; почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

e-mail: tret'yakova1738@gmail.com

Халикова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка им. П. А. Леканта Московского государственного областного университета;

e-mail: vlstd@yandex.ru

Шаталова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой славянской филологии, декан факультета русской филологии Московского государственного областного университета;

e-mail: ov.shatalova@mgou.ru

Щербакова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры предметных технологий начального и дошкольного образования Омского государственного педагогического университета;

e-mail: nata.ro@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatjana A. Alpatova – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of the Russian classical literature, Moscow Region State University;

e-mail: alpatova2005@rambler.ru

Elena I. Beglova – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Foreign Language and Culture of Speech, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation; Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

e-mail: beglova-elena@yandex.ru

Tatjana A. Bobrova – PhD in Philological Sciences, editor of the journals “Russian Language at School” and “Russian Language at School and at Home”;

e-mail: bobrova2003@mail.ru

Viktor V. Vvedenskij – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature, University for Humanities and Technology;

e-mail: dmitrystarykh96@gmail.com

Tat'yana M. Voiteleva – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Department of Methods of Teaching Russian and Literature, Moscow Region State University;

e-mail: voitelev@yandex.ru

Arkadij L. Golovanevskij – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Russian Language, Bryansk State Academician Petrovski University;

e-mail: golovanevski@mail.ru

Olga N. Gordeeva – Teacher of Russian language and literature of the highest category, School № 2115, Moscow;

e-mail: gordeeva523@yandex.ru

Alla A. Gradinarova – PhD (Doctor of Philology), Professor at the Department of Russian, Sofia University St. Kliment Ochridskij;

e-mail: agradinarova@slav.uni-sofia.bg; algra@abv.bg

Sejran A. Dzhanumov – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Russian Literature, Moscow City University; Honored Worker of Higher School of the Russian Federation;

e-mail: djanumovsa@mail.ru

Igor G. Dobrodomov – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of General Linguistics, Moscow Pedagogical State University; Honored Worker of Higher School of the Russian Federation;

e-mail: ig.dobrodomov@mpgu.ru; adob00@mail.ru

Nina F. Ermakova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at Lekant Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University;

e-mail: n.e.12135@yandex.ru

Ljubov G. Inchina – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian Language, Bashkortostan State University (Sterlitamak Branch);

e-mail: j.golova@yandex.ru

Svetlana M. Kolesnikova – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Russian Language, Moscow Pedagogical State University;

e-mail: asya28@list.ru

Andrej A. Kunaryov – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Teaching Methods of Russian Language and Literature, Moscow Region State University; teacher-freelancer; excellent student of education of the USSR;

e-mail: angy7@yandex.ru

Valentina V. Ledenyova – Doctor of Philological Sciences, Professor at Lekant Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University;

e-mail: ledenevavv@yandex.ru

Ljudmila A. Marchenkova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University;

e-mail: 4promo@e1.ru

Olga V. Molchanova – Teacher of Russian language and literature of the highest category, “School № 1564 named after Hero of the Soviet Union A. Beloborodov”, Moscow; Honorary Worker of education of the Russian Federation;

e-mail: molchanowa@yandex.ru

Aleksandr A. Murashov – PhD in Philological Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Journalism, Grodno State University of Janka Kupala;

e-mail: murashov_aa@grsu.by

Elena P. Osipova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian Language, Director of the Institute of Continuous Education of Yesenin Ryazan State University;

e-mail: elenaosipova.mail@gmail.com

Lidija P. Ruposova – PhD in Philological Sciences, Professor at the Department of History of Russian Language and General Linguistics, Moscow Region State University;

e-mail: ruposova-lidiy@yandex.ru

Vera S. Tretjakova – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Social Pedagogy and Psychology of the Russian State Vocational and Pedagogical University, Yekaterinburg, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation;

e-mail: tretyakova1738@gmail.com

Natalja V. Khalikova – Doctor in Philological Sciences, Professor at Lekant Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University;

e-mail: vltsd@yandex.ru

Olga V. Shatalova – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head at the Department of Slavic Philology, Dean of the Faculty of Russian Philology at the Moscow Regional State University;

e-mail: ov.shatalova@mgou.ru

Natalja N. Shcherbakova – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department Subject Technologies of Elementary and Preschool Education, Omsk State Pedagogical University;
e-mail: nata.ro@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Н. А. Кондрашов: педагог, учитель, личность (штрихи к портрету слависта) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 188–228.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-188-228

FOR CITATION

N. Kondrashov: educator, teacher, personality (the portrait of a slavist). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. 188–228.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-188-228